

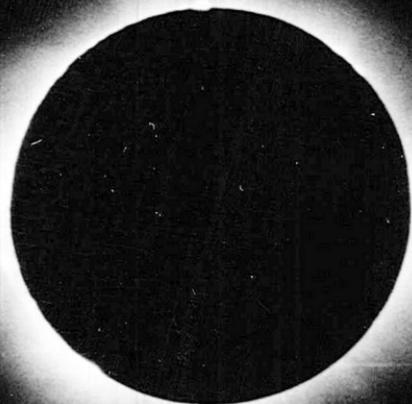
2025
Исчуров НИИ ТУПЫХ

*М*ридцатое февраля
ст. Ока

Исупов

НАШ ~~Д~~УШВИЦ

о д н а п р о з а

ст. Ока
Тридцатое февраля
2023

2025
Исцелю

НИИ ТУПЫХ

тридцатое февраля
ст. Ока

Исупов

НИИ тупых. Стихи. — Ст. Ока: 30 февраля, ispv.ru, 2025. — 192 с. Некоммерческое электронное издание. (В интерактивной версии книжки **ЭТИМ ЦВЕТОМ** выделены веб-линки, а **ЭТИМ** — перекрёстные [внутренние] ссылки. Стихотворения, в заголовке которых есть вот такая *, можно послушать [о чём также сообщается на третьей с конца книги странице].)

© Kendree Miller, фото, 2023
© Исупов, слова, 2024
© Изд-во «30 февраля», ispv.ru,
2025

Этой ночью

Закидался — и ничего:
на плечах моя не понурена,
ни о чём не болит, а ó
не вине на столе — к мичурину
обратитесь по форме пять:
вывел лютики, — мы опять

.
зацветаем, как в сапоге
финка кровью, как хлеб во внутреннем
гимнастёрки кармане вне
долгой ямы с людьми, к заутреням
не ходящим, — карачки ить
огорчают Исуса: пить

.
снег в снегá выползая, ход
четверенок назад гарантией
не похвалится, — с семисот
бьют в чело, и прокорм с апатией
примиряется на груди,
с плесневением впереди.

.
Запивая прошедший год,
объяснил 100-процентной девушке,
дегустируя стол, что род
Ното — лакомство чище хлебушка:
хлобыстну из аорты вновь,
а из вены смачнее кровь.

Соскучилось; волновалось

Молоко разболтало стакан — настоялось в стакане, ожидая глотателя. А у глотателя в ткани слов в единственно верном порядке не очень дела: ткань линяла, дырява, а хочется красну рубаху из высокой материи, преданной краске, **шарлаху**, сшить, надеть и на красномордатом морозе дотла разориться, увидев бедро распротрепетной девы: восхитить её чувственно справа и разумом слева

.
(самоваром, теплом не объятий, так красного чая).
И глотатель забылся и, нервную ткань выручая (она тонкая, рвётся, и можно достаться окну), на опушку спустился: в сугроб бултыхнулся аж с крыши — и на лыжи, и в лес, и бродил, и петлял, и превыше стал досады на ткань слов в единственно верном ау к темноте самобытной, когда ты не ты, а краюха темноты, ею стал, а она уже чернь и в пол-уха

.
не желает расслышать «где я?» и «где дом мой, скажите», и плетёшься на ощупь по давешним петлям, и в жите ковыля, оступившись, приходит не просто строка — но та самая, ткань без которой дыра в чём-то мерклom. Тут доносится дым, это дом: молоко водомеркам кыш велит и торопится вытечь в довольстве наружу. И качает стакан. Вот что я, возвратясь, обнаружу.

Исценов

Человек молока

Молоко — это всё. Это хлеб, это мёд, это Осип.
 Молоко увидав, не могу не схватить, не снести
 в рюкзаке литров дцать, попирая сносливые оси
 ординат ли, абсцисс ли, событий ли, времени ль и́

.
 ось земную, конечно, сгибая, но радуя, —
 эта ось раскусила, что пенка — лохматая

.
 и вкуснятина страшная, что молоко — это Осип,
 молоко есть мёды и хлеба, то есть эти живут,
 попирая, пока оно плещется в речках и способ
 этой штуки юродивой, жизни... Тащи ж, словоблуд,

.
 своё зелье в своё мухосранское логово;
 будет четверо тешащих у одинокого;

.
 не сломаюсь, неси... Я ношу молоко, но и люди,
 что, бывает, стучатся, приносят в руках молоко.
 Остальные приносят посуду и в этой посуде
 молоко унесут, — я налью им и слову «ого»

.
 («у тебя всегда есть; у тебя, поди, комната
 для жилья молока?») поклонюсь и «отомкнута, —

.
 им замечу, — всегда в ожидании вас». Молоко же
 обаятельно, только б смотрел и смотрел на него.

С молоком протяну в конце света февраль... Правый боже,
для чего мне февраль? протянуть одному – воровство.

Поделюсь; как и все, протяну угасание;
угасание вместе – прощенье, прощание.

Исупов

Похабный детский с.

Каждый первый снег встречаю пенисом:
место выбираю во дворе
плоское, с крыш видное и в пенистом
лёгком снеголёте детворе
и её невольным зачинателям
шагом па де ша пишу портрет
пениса, их фаллоса. Брюхатеем
всё-таки мы с пенисом, а нет —
так и не беременеем. Пенится
ликованье в окнах, с крыш свербит
«наш вангог», «ещё давай», «чудесница
ах какая». Кланяюсь. Сам шит...
господи, волосики... волосики!
Я забыла космы на... шарах.
Шаг батман фондю (не переспросите?)
добавляет флору в семистах
(это труд) местах на этих маленьких...
и разрез на кончике его.
Мне уже тринадцать, и я в валенках —
в валенках искуснее всего.
Мне ещё тринадцать, и я девочка:
рукоплещут и несут крюшон,
яйца, чью-то кровь и просят «деточку»
нарумянить к Пасхе: «Хорошо?»

Архангел

Мишка по кличке Архангел нас сбил и повёл
нелюдь приструнивать. Это он вовремя, — нелюдь
осатанела: по улицам ходит и трелить
наши псалмы норовит-норовит. Кто не зол,
но всё равно эту нелюдь расшиб бы, оскал
сдайте Архангелу на отбивные котлеты.
Хочется, очень. Но как одному? Мы поддеты
нелюдью, если одни: у неё карнавал
в чёрной крови: звёзд не носит и нашу же мать
треплет в трамвае чрез слово этажно и всуе.
Только на вилы поддев, узнаёшь слезовую
нелюдь в сусалы. Но мне одному не поднять.
Дам умолял протянуть руку помощи, — нет,
корчат свои полунаши халатные лица.
Дети готовы, но детям как дашь веселиться
с вилами, кольями, дыбой, ЧК: эполет
понадевают — и на кол давай надевать
сами себя... Отмывались, у нелюди кйшки
выпустив, с бабами в бане: увидел у Мишки
крылышки. Режутся. Финок у нас не отнять.

Исупов

В декабре после трёх

Темнеет в три, когда раскрыты окна,
когда нет свечек, а **осколки, нить**,
ещё кружа, уже заметно блёкнут.
Смеркается настолько, что темнить
невольно начинаешь: есть чернила
для декабря, они черны как брань,
а ощупь оступается, и «мило, —
потом орёшь на трепетную длань, —
как мило, сволочь, белые чернила
из дюжины любых мастей чернил
сумела отыскать. Лист отбелила...
лист выбелила вусмерть. Я б чернил,
когда б ты была ловкой; ты ж — белила...»
И впрямь: косою линейки не сыскать.
И **Яблочков** хохочет из могилы.
И по листу другой рукою вгладь
проводишь, — не цепляет, а ведь строчка-
другая были песней, чтоб я сдох
(когда бы я их помнил:-()); ни сучочка.
Мракоббрь Кромешный, сразу после трёх.

Кристаллик (из Пушкина)

Шалун уж отморозил пальчик, —
и как не отморозить: мальчик
к салазкам языком прилип,
геометрическую воду
слизнуть желая (дети сроду
снежинку, павшую на сгиб

.
в, как мысли чёрном, ватном локте,
глазами уплетают, плоти
её хотя беспечным ртом;
часами смотрят на **тетёры,**
мезёнские узоры, фору
давая сей акриде в злом,

.
несправедливом зимнем мире,
но не упархивает в шири
Руси нехитрая она.
Налюбовавшись на кристаллик,
водонаполненный деталек
сколь недалёких, столь без дна,

.
дителя к творению не руки —
язык — протягивает). «Стуки, —
смеётся мать, — по голове
ты заслужил сегодня: полоз
не локоть ватника! Вас порознь
разделят в следующей строфе».

Исупов

Зима, Фома

Птицы чертят честные фигуры в повальном снегу;
различимость на матовом белом стремительно чёрного
хороша для слепых, а очкастых, забредших в дозорные
поутру, ослепляет и нос прилепляет к окну;
и кричат вслед за мыслью, проникшей чрез стёклышки, рты
типовое блаженное гулко: «Мама, просты

.
сколь фигуры у галок в середине зимы в снегопад.
Вот сейчас распознал я, прости, про тебя, превосходную
МАТЬ ЧЕСТНАЯ, ЗИМА УЖ, СНЕЖИТ. Ах, какое животное:
раньше нас уследило весомое, яркое. Рад.
И ведь правда: сугробы к десятому тянутся, ма.
Ничего-ничего, есть палатка, есть крыша!» С ума —

.
не сойти мне с присмотра — сойти: я-то думал, пока
я копаюсь во сне, некто снег до второго, до пятого,
до седьмого — вчера — этажа насыпает. К пернатому
рисованью фигур пилотажа отнёсся бы на
месяц раньше — поверил бы: это настала зима.
Вот ещё один росчерк грачиный на небе: ФОМА.

особенно.

Я «Шипр» пил, и было хорошо
буханке, на которую смотрели
как на спасенье, дети, с канители
пришедшие, с морозов, впавших вó

.
декабрь и одержимость (строить холм;
холм поливать своею жёлтой влагой;
на холм взбираться, падая; ватагой
с холма скользить на рахитичных, — норм,

.
но и тоска какая, нервный тик, —
старик дул, дует, будет дуть не воду,
и по лицу бить, только бы народу
привиделось, что строг, полезен, втык

.
выращивает, будто институт
девиц под красно-карей профессурой):
¹подохнет от навязчивой понурой
привычки наливать — и не в сосуд,

.
но в глуби хлеба не бухло — амбре:
одеколон тлетворный и зелёный,
и мы, мечтают дети, как гулёны
с холма катиться в новом декабре

.
не убоимся даже при нуле,
который абсолютен; ²я буханку

Исупов

не заедал ни разу, наизнанку
ни разу не, и жил навеселе —

.
³и тем лелеял детские мечты,
в которые все верили, а ты —

собаки.

В метель в толпе, собравшейся метель
облаивать, и пить, и заводиле
внимать, стою, метелью согнан в бель
треухов, дох, унтов, «не напоили»,
пронзительных постанываний ртов,
заполненных горизонтальным снегом
и лезвийными финками резцов.
Затянут ветром, лаем «больше некем
братана подменить, братан помёрз,
катись сюда ходок за жидким хлебом».
Немой стою, скотиной пригнан. Торс
нагроможденья лающих на небо
берёт за горло тысячами рук:
«А ну возлай последними словами».
Стою, молчу, затянутый в испуг,
пугающий метелицу Москвами.
Стою бараном тихим, на убой.
«Не наш, ты хочешь, чтобы перестала?
Беси метель». Стою, но не любой:
изгладьте слово русское сначала,

Исупов

Они всё равно

Дщерь Наробраза **Попка** Урке
из подворотни, где снимают всё,

.
во что одеты все, которым о
на-волосках от ню и водной тюрки,
когда они ещё по животам
лежали смирно, даже не толкались,
зачитывали мамы по слогам
из «Подворотен родины, не скалясь,
но с миной неизбежности и по
складам, неспешно», книги настроений
на родине из серии «По **По**,
или Герои родины, нетленной
которых нет: сквернавец Тохтамыш,
Дубровский В. и Соловей-громил»,
но всё равно, как их ни обрусишь,
они сквозь подворотню, то есть шила
у печени, пока их на счёт «три»
до родинок на уголках интимных
на теле раздевают, прутся — и
оравами же прутся, — дома в гимнах
в подушку пополуночи Везухе
аз-воздавая «Мне отмщенье, мне»,

.
советует шмонать наедине
с ней во срамных губах — не только в ухе.

La tristesse durera toujours

*Памяти
Льва Семёновича Рубинштейна*

Печаль — это навечно; насовсем
тоска. Как это будет по-французски?..
а на голландском как?.. У трясогузки,
у этой грустной твари, что эдем

·
профукала, из рая упорхнув
в освенцимскую свинскую прореху,
в дыру для испражнений (сколько смеху,
когда крылатый, ангел, сволочь, клюв

·
раскрыв для стрекотания щеглом
по телефону с образом Винсента,
как птичка, гадит на головы ленто-
веночных дев с косицами в живом

·
пока ещё селенье, для ракет
доступном, как асфальтовые пальцы),
хвостатый тик, бодрящий, как стояльцы
на сломанных коленях. Птичка, нет:

·
при Паркинсоне тремор за задор
не выдашь, видим. Птичка, нет надежды:
ничто живёт, а Человеки вежды
смежают. Лёва был ещё вечер...

Исупов

На заре после снегопада многие чернолицы

Идущие гуськом таранят залежи.
 Шилклоперы, Козловы и Гонсалесы,
 идущие гуськом на белогорье,
 болели прежде раком, мозгом, корью,
 теперь они гуськом идут, но з́а руки,
 чтоб вместе не пропасть, не, не — не в Малаге,
 идут гуськом в снегах, идут Из Леса,
 в котором от ружья в Христос Воскресе,
 в снегá стеной, скрываются воистину,
 пока мы ловим их в силки амнистии

.
 и голыми руками чернодюжины,
 исподличавшись: подле рельсов в Тушине,
 да с понятóй француженкой из наших,
 она даёт. Они на променажах
 идут на свет любви столь зачарованно,
 что взять сачком их, бражников, штукovina
 не потная, сухая. В вьюгу роту
 прелестной залучаем, а чего там
 из них потом готовят — антрекоты ли,
 гуляш ли, фрикасе ли... Мы сработали.

.
 На снегопадной зорьке кровь на бабочках
 Хавьерах, Мишках-тедди и Аркашечках,
 гуськом пробивших снег движенья ради
 и, на беду, бедро Маринывлáди

увидевших, черна исси́ня, угольно,
зима — а загоревшие, а кукольный
Гонсалес быстр: куда живее зайца
уносится от бёдер, и казаться
вдруг начинает, что и думать нечего
догнать гранатой зайчика-кузнечика.

Исупов

Слабó

Когда бы Шпикассó в свой голубой
отрезок намарал ещё и наше
заветное: бросок гранаты в раже –
метали б мы её наперебой
с ребятами из Общества гранат,
летающих въ по зову сердца, долга?
Да никогда. Мы видели бы тонко:
наш Палех – ископаемый и ад,
метание гранат зубря не по
Уставу – по голубизне Шпика́ссо,
прикидывая к носу думы часа,
недели, полугодия: слабо
ли мне метнуть пучок гранат в толпу
похмельных пацанов, которым надо
кого-нибудь зарезать, чтобы рада
была ветфельдшер крови? пришибу
ли я броском болванки, муляжом
гранаты из свинца, мента, за васей
пришедшего (у васи в ипостаси
запойного заскоки, но он – ом
хум падме мане – пламенный пиит)?
возьму ли я отныне гибель в руки? –
Слабо; не брошу даже; от доуки
такой упасся, к счастью. Засбоит
потом в груди от дикости любви
к броскам гранат не в Спасскую, но в гущи

и одиночек, у которых пуще
любовь поймать гранатный залп и — и
назад швырнуть всё брошенное въ.
И слабогрудо Шголдбергу-и-Шбаху
захочется притопывать, рубаху
рвя на груди, а не вождю травы.

Исупов

Цвет февраля

Цвет февраля: декабрь ещё висит,
ослабили верёвку всей артелью.
Не суицид, но вымерзшего сбыт
артели выживалов. «Охладею
вот-вот к зиме», — гундосит выживал, —
и родина и шар дают поблажку:
выкатывают, чтобы отмякал
и розовел декабрь, звезду. Но тяжело
ещё: зима рвёт мякоть и тверда,
и на уколы шилом на верёвке,
распущенной чуть-чуть, лишь иногда
сучит ногами в ритме перековки
с заливки беговых катков везде
на полыньи в Оби, Оке и Волге.
«Хоть в прорубь, — изнывает по звезде, —
хочу звезду-не-редкость, и на чёлке
хочу её касания. Треух
не нахлобучивать хотя бы в полдень», —
записку оставляет, чтобы «ух» —
и в прорубь бух (помывка — очень потен),
усталый выживал. Цвет февраля
чеканят на рублях; рубли в карманах
хрустят как корвалол, светля-светля
обмороженья на уже румяных
гримасах выживалов. Как они,
шар, родина, отзывчивы. Ты только

с немасленицей шуры зятяни
до дцатых января и на полстолько.
(...)

А в феврале три мачтовых сосны,
которым подоконник будет тесен,
когда меня не станет, вышины
достигнут вот тако-о-ой, и будет песен!..

Исупов

Священная

В Уставе моей родины полгода,
когда ты вышел, а тебя мороз,
чернить непозволительно; рисково
срамить родной мороз. Сиречь сморозь
чего-нибудь о розе на морозе
(де, из пластмассы розе на гробу
тов. фюрера не станет дурно: впросто
они с морозом родины), губу
сексоты не раскатывают, это
расслышав, улыбаются — и всё,
не вяжут, запинав, 03-какета
до скорбной жёлтой дурки не всосёт,
не выплюнет тебя для испытаний
смирительных рубах, таблеток, мер
попроще, позабористей; не станет
сексотка спать с тобой: госпитальер
из шмары никакой, а ты, каналья,
насмешник, но не зим недоброхот,
священных русских полугодий, сталью
нас делающих: «Ну а что насчёт
священных русских полугодий, сладкий?
Когда выходишь дымом на балкон
дышать, их не ругаешь за припадки,
когда с балкона вносят эталон
ледового столпа, а не придурка,
с которым я полгода подло сплю?» —

«Люблю морозы страшно: крошат юрко
захватчиков французов. Вот к нулю,
винюсь, пренебрежителен: не русский».
Но вькни поперёк Устава, — и
оттаивают наши под нагрузкой,
но рубят на футбольные мячи
торос зимоотступника. Полгода
динама цээску, а цээска
динаму забивает, и погода
подыгрывает их битью с носка.

Исупов

С

Чёрный Квадрат и Уборщица, кажется... впрочем, имя не спрашивал Чёрный Квадрат у неё... Просто Уборщица с Чёрным Квадратом «Хохочем», – расхохотались однажды, чем точки над Ё сразу расставили: барышне, чернорабочей, черноквадратной фигуре пристало ль вздыхать, если влюбились, пристало ли средь средоточий Шишкина, Водкина, Репина, Зиночки, мать чья – Бенуа, а не всякая сталь из сугробов, томно вздыхать, добиваться взаимности и он ей ромашки, она ему, плату ухлопав, – чернь византийскую, краску, дарить посреди буйства оттенков, намазанных накось и сикось? – Не-а: «Как глупо, – хохочут, – какой политес, если такая любовь», огорошив, прониклась Чёрным Квадратом и Просто Уборщицей. «С» – скоро (весна?), сразу (к делу?), смешная (привычка не целоваться Квадрату с Уборщицей в час столпотворенья в Лаврушинском пер.?). Где техничка и полотно лобызаются не напоказ.

Белая

Белокровные крошки, юницы, старушки
каждый божий денёк отдают по ноль-пять.
К ним скребутся курьеры со Станции юшки.
«Открываю, бегу, не дают накричать, —
шепелявит бутуз, — на текущую еле»
кровь молочного колера. Вены коря,
ковыляет бутуз, говорит: «Одубели»,
говорит: «Очень белая, благодаря
вашей чёрной икре, дорогие курьеры».
Его ма извиняется: «Дёрганный стал».
За медаль «За Не Жалко для родины бэры
получить, а уж кровью вернуть номинал
долга родине — запросто» обе чекушки
переходят к курьеру. Едва ль не мертвец
не ложится в могилу, но ждёт у Царь-пушки
своей порции белой. Малец — образец.

Исупов

Синяя

В сосуд переливания кровей,
в отбитого по рёбрам атакáмсом,
сестрички Бовари на Малабарском
театре расчленения бровей,
грудей, локтей, горстей вливают три —
предписано ещё лейб-Пироговым —
три части, исцеляющие вдовам
мигрени от уныний, если при
Топониме В Предложном Падеже
ну наконец-то дрогнул свет их бúrкал:
пол-литра белой, синей — ей гомункул
обязан пересаженным обжé
аристократам духа (допекли
своими идеалами — и взяты
с поличным, идеалами, пощады
не просят, кровеня́т — не куркули)
и дознанным владельцам трудных жаб,
чей тёплый гипс пождёт их у постели, —
один, всего, стакан гранёный... Неля
и Эля, сёстры Эммы, если слаб
излишне рядовой или сержант,
во взвесь плюют, надеясь на удачу.
Но этот элемент не счётен, сдача
за то, что не возьмут никак Брабант...

Красная

...десант, а наш **Брабант** доселе их.

(...)

Итак, рецепт, эсэм Устав, Компоты,

Живые, Для приёма на троих.

Где третий элемент что-что, а сроду

не подводил – составами течёт

из крана и рекой не Нарой – Леной,

штыком лишь ткни на родине не под

Фолклендами, но **Красным**, – по колено

уйдёшь во кровь на родине кровей.

И впереди ещё вся смерть, и дальше

багровей только будет и алей,

пунцовее, румянее, и арши

бегом и шагом через весь земшар...

Короче: ты пехота иль лопата?

Проткни штыком любого и пошарь

внутри, чтобы хлестало: дыроватый

драгуна оживит. Неси ведро.

Три цвета, три источника аминя:

столичная, патриция нутро –

и наша через скважину в штанине.

Исупов

Каша

Гонным в вьюгу бегу по полю,
в бурном поле не видно леса,
вслед никто не спешит, глаголя:
«Стой, стреляю», никто телесно
не петляет за мной, чего же
плохо так за спиной и заяц
я, а не на ходу прохожий,
за которого страх срезает
взгорки к лесу за снежной пылью? —
я не знаю. Во вьюжном поле
кто-то, что ли, подумал: вылью
в небо чуткую кашу подле
поля для забыванья спеси? —
и поставил вариться кашу.
Запах тёплый, — и вот я пёсий
нос: нащупал, тянусь, поглажу,
если выберусь, Человека,
кашеварящего средь сосен.
Каша вьётся, — и вот я бёгу
не нарадуюсь и несносен.

Натурщики: дворовый мальчик (из Пушкина)

Он понемногу таял, я спешил:
я приносил бутылки льда с мороза,
совал ему под душегрею; жил
метели не жалея, безголосо
на вымотанном северном ветру
из окон на два полюса кричащей:
«Не двигаться, шалун. А ну-ка тпру»,
шалун плевать хотел: он в настоящем,
в сидении на лавке предо мной,
труда не разглядел — одну забаву
и фунт конфект в обед, и вкусный зной
глинтвейна на обед, который, право,
удастся ли (старушка до сих пор
напитка не варила); с нордом в голос
кричал застыть заразе, — мальчик в ор:
«Конфеточки — вперёд, вашбродь» и полоз,
к которому язык его примёрз,
как жучку, тормошил, а я «не надо», —
на шалуна взвивался (Гельсингфорс,
наверное, услышав, анимато,
наверное, горланил: «Ай да сын»).

Он замирал — и рифмы приходили
невиданные; сей аршин пружин
вертелся — и я мог на суахили
писать легко, и тяжко — на родном.
Ледышка, и язык пристал кроваво, —
но шило в одном месте! В остальном
набросок удался. Морозу — слава.

Натурщики: девушка с веслом

Картошки накопала — и «Давай позировать для строчек о картошке, — пристала телом к телу. — Урожай — мешки, и обещал... Я понарошке! — смеялась. — Понарошке, пушкин, я. Я в копоти труда, я в недрах поля, я в дождевых прожилках, я — свинья без платья в хохломе, без бус из смолы с библейской дрозифилой; я вина, не покурив взахлёб, ещё не знала — да на пустой живот, когда цена — мор от вина, но завтра; но сначала мне в баню надо, пушкин. Я шутю. Чернила убери, умерь чернила... А впрочем, если чёрные, дождю из топей в поле ровня это было б... как думаешь, изящно? Чернозём- (а не абсент- и целка-) баба с поля встаёт в кирзе на стул с веслом, гусём вытягивая шею, на приколе торча «Я вас любил» стихов на пять? Давай свой стул, своё весло, я — Ритка». Стояла, засыпала — и опять стояла комом в горле после читки.

Натурщики: Обезьяна

Из ужимок, скоков, гуттаперчи,
 злакового слова «обессмерчу»
 лётчицкой стремительной рукой
 по́ снегу, песку, окну, бумаге,
 ласки к двортерьерам, зла к собаке,
 делающей подлости с благой

.
 целью, горькой влюбчивости, пули
 в животе — меня не обманули —
 сделан мальчик Сашка Пушкин по́
 кличке Обезьяна, кличке Наше
 Всё (вообще всё; может, ошарашу:
 ничего другого в Бодайбо

.
 не было и нет). «Нет, не на стуле, —
 я сказал ему. — Перевернули б
 сразу стул, мой стол, меня. Не так
 разве, милый Пушкин?» — «Обезьяна», —
 он сказал мне. — Постоянно дрянно
 поступаю. Плачет вагонзак».

.
 Я сказал ему висеть на ветке;
 дал ему гусиных перьев (метки
Лисьи мемуары, не лганьё:
 перья грыз), чтоб грыз; ревел белугой
 писчий гусь; к натурщика услугам
 я читал ему — с вопросом «чьё?» —

Исупов

.
за его строфой стихи его же;
он мрачнел, потом смеялся: «Боже,
я так не могу. Не **Марциал?**» —
и валился оземь, но на ноги, —
обезьяна с кошкой одиноки.
Вот таким его и написал.

Натурщики: снега

В вьюге я; вокруг клубится дворник;
я пишу модельные снегá;
дворник дышит красным с посошка;
красный застит снег, а разговорник
не освоен и торчит на кухне;
что-то будет, лучше сразу рухни,

.
думаю я трусовато, мелко;
снег выходит винным; вьюгу злит,
что выходит красным; снег навзрыд
воет, залепляет; не в тарелке
главные герои: дворник, вьюга
ненавидят, видится, друг друга:

.
дворник млеет, заходясь в словесном
соре о снегах невпроворот;
вьюга затыкает ему рот,
вьюгу обижают эти бездны
ратных слов; и никаких уступок:
вьюга замечает, дворник юбок

.
не снимал давно, но истый трактор:
напролом гребёт, как «Беларусь»;
«Мусор есть, есенинская гнусь?» —
«Мусор нет, профукал и протáкал.
Дрозофила есть, Лолиты гольфы,
белые, с прелестных ног оторвы,

Исупов

.
поросль традесканции, с собачьим
“Г” пакет». — «Давай их всех сюда». —
«Есть вернуть». — «Оторва не чужда.
«Понимаю». — «Гольфы на безбрачье...» —
«Сам такой». — «А вотка есть, есенин?» —
«Вотка нет. До боли откровенен:

.
осенью была, но где те срывы...» —
«Скифы абажуры из врагов
дивные выделявали, псов
сберегая. Только мы не скифы». —
Пронесло. Снега опять бесполы
и румяней гольфов моей Лолы.

Натурщики: зелёный

Вот как не написать зелёный цвет?
Заветные февральские чернила
заправлены в перо, не стынут, след
не оставляют только на могилах
(всё потому что сам я не умру,
а значит и другие, пав под снегом,
который, став извечным буднем, прю
который на этюды в поле с тегом
#снег_пепельный_всегда_теперь_со_мной,
а с поля на десятый, чтоб снаружи
внутри не прекращалось, с тегом #спой_
мне_песню_как_синица, не плакуши,
читающие вопли о себе:
восстанут, то есть ФИО, дата горя
не очень и нужны) и на столпе
(и так все знают: обернулась, споря
со мною о количестве ракет:
«Ещё не то, Исупов, чтобы сдохло
живое нá», на взрыв глядела, — свет
и выпарил её не без засола;
но кто на соли пишет...). Но никак
зелёный цвет не пишется — забыт он:
вот как ни напишу его — двояк
зелёный цвет: невидим и не видан.

Исупов

Натурщики: люди в одежде

Стулья сминают, сгребают с дороги в карманы, стулья ломают, готовят их венские ножи на углях спинок, съедают, блюют, барабанно тянутся дальше. Пути их миграций до лёжки с кем-то в постели, в окопе, всегда в одиночку на загребущем погосте известны заранее: с места рожденья — под землю — в обнимку до точки, где выдают отбивные судьбы. За дарами письменной речи в засаду сажусь на рассвете не без чернил и со стульями, чтоб отдохнули, чтобы уснули, — и я ухвачу в непоседе улице редкое: слёзы, мозги, у мамули было счастливое время: ребёнком был душкой. Видно не очень, но мне и не надо: садится некто в одежде барана, ломая пастуший строй, — я увижу и я напишу эту птицу.

Натурщики: раздетые люди

Тут всё всегда: всегда зима, и люди,
которых заложили танк тянуть,
которых запрягли стрельбой паскудить
всё сущее, всегда раздеты: ртуть
и та дрожит и прячется под мышкой
зольдата с ТБЦ, а эти бёз
одежды, и не в баню, — за смертішкой
торопятся. У смёртушки эрэс,
обрез — но и в обрез уже догадок:
зачем так торопиться околеть;
и, забирая голых сих, прегадок
ей сей порядок дохнуть здесь и впредь
здесь дохнуть без кальсон, треуха, смысла.
Но тут всегда так: сдуру тут всегда.
Но хватит ó непóнятости **грызла**, —
здесь вшам полярно. Здесь есть вкуснота —
но холодно вшам дó смерти на этих.
Не выживают вши на этих тут.
У вшей обмороженья; в ожеледях,
как в янтаре, красивых вшей... Обут-
одет бы был зольдат, — и вши кишели.
Опарышей зато! Но то — весной.
ВЕСНА ЖЕ — зачеркните — НЕУЖЕЛИ
НАСТУПИТ! НЕ НАСТУПИТ, БОЖЕ МОЙ.

Исупов

Давай со мной из этой широты.

Сначала почтовые сдали: лошадь
нёс на закорках, ибо обезножить
изволила (а я как будто нет);
потом скончался ход велосипеда:
колёса пенни-фартинга, со следа
июля сбившись, стали (и я сед);
затем напасть с носилками: так тряско
перемещаться в них (а нашу таску
носильщики не ставят ни во что);
а тут нельзя ходить пешком: «Ни в коем.
Шагнёте, не послушавшись, — левкоем
вас в наказание сделаем (с — до);
а там нельзя летать воздушным змеем:
у змеев тяготенья к эпопеям,
а не к земле (к исходу февраля...);
ну и снегá: вторые полвагона
за первыми метут нанос бессонно
(...я наступил на минные поля...);
и люди, разумеется: я Волгой
в коньках уйду в апреле в самоволку, —
как пить, убьют (...родной Златой орды).

Дуэль

Юродивый юродивую – что?
 От здравых прячет: под своё пальто
 её поддев, гуляет с ней вокруг
 нормальных, проповедуя каюк
 нормальных на дуэлях. Достоевство? –
 наверное: «В проказе королевство», –

.
 юродивой рисуется из-под.
 «Ребёнки точат слёзки из-за вот
 таких безукоризненных, как вы, –
 юродивому видится, – увы».
 «Напрашивается», – грудётся норма,
 и стычку на гранатах, но минорно,

.
 любезно предлагает. «Ни за что, –
 юродивый взвивается, – я ó
 лепажих думал, чтобы вас того».
 И вот уже юродивая во
 лепажих засыпает порох, пули,
 и те свистят, и кто «Киндзмараули»

.
 пригубливает, кажется, уже? –
 Ребёнки со слезинками. Клише
 устаревают, верно: тихнет рёв
 терзаемых нормальными коров?..
 Увы, не утихает, а напротив, –
 дуэль затихла, к плачу приохотив.

Исупов

Юродивый с юродивою – где?
Да около: прикопаны, к весне
проснутся и взойдут, была б весна,
а та придёт – слезой наущена:
вон сколько мокрых свежих глазок: прорва.
А если слёзки не беда, а норма?..

Там, за углом

Вам страшно, но страшнее за углом:
ступивший – пропадает. И щеглом
вернуться – это фюить, коленце, песня
«Эй, за угол зайди – и, фюють, исчезни»;
вернуться в середине февраля
к гельминтам в аэрации поля,
зажечь в момент явления светило
и отбелькантить то, как это было,
что возвращенье не удушье – щасте,
«не счастье – щасте, отойди-не-засти:
припёк не твой, иная плоть, а так:
захочет – и потухнет». Пастернак,

·
красиво – очень. Многие же нё:
шесть из семи из Люберец, вовне
ушедших за углом, вернувшись, трéлить
не могут, не умеют, но не пелядь
они теперь (когда бы так – уха
из них нас восхитила, и тиха
была бы наша ночь, и лил Куинджи
точёный свет), компост они и иже
с ним вещества для масличных проротков
полезные, но не певцы подмостков
под солнцем февраля. Седьмой не в счёт:
вернувшегося мать не узнаёт.

Исупов

Зачем-то хочу знать

Когда валюсь, как смотрят на меня,
пока лежу без признаков, а ветер
пытается катить меня, храня
от снегопада в март, а Младший **Петер**
уже рисует птиц, которым глаз
на север показался свиным салом,
а дети с ветром спорят, новояз
употребляя: «Счастье в облинялом
проснётся, если падаль запинать
динамой в те февральские ворота»,
и гнут, пока бездушен, мою статью
в зародыша, во круглое, охота
которому катиться самому,
а кто-то отбивает: то барбосы,
в которых вонь моя по-одному
въедается, а детские зачёсы
чубов налево по-другому в псов
вторгаются, а у меня собака
была, её лелеял, а остов
её букета жив, со мной, и шага
собаки не умеют на бегу
ступить, чтоб дети с финками, догнав их,
не искололи, — как глядят? Я ў
метели, галок, Брейгеля, неправых
детей, родных собак один такой:
упал и не встаю, и вьюга катит,
и Адский зарисовывает бой
за око, и ломает драка катет...

Комната

Это комната с поздней ночью;
в ней лишь стены вокруг постели,
а ещё тишина сорочья:
расшумится: «Вы надоели,
милостисдάρь. Метаться, что ли,
вы пришли? — почивать и слюнки
на подушку ронять, сусоля
пряник дрёмы. А ну-ка, в лунке
поздней ночи без задних, мухой.
А ещё Человек Помятый...» —
И в два счёта, как вислоухий
щеня, тихнешь, и ночь с ферматой
слюнкой тянется. Это сладко.
Это комната острой боли:
голос с книжкой стихов с закладкой
перешёптывается, споря:
«Мне не нужен билет отсюда —
я и так помню всю страницу».
Где стаканы с водой, посуда?
Оступаюсь. Опять ключица.

Исупов

Закладка

Бог с ним, с гипсом и табуретом,
завертевшимся под слоном;
перешёптыванья в портретном
сходстве — первое: лечь ничком,
чтоб не выдать себя и чтобы
нараспев дошептала всё
всё в восклицах «Признанье», обе —
книжка, некая — стали ó
героине рядить завидно:
«Вот бы мне с ним в Опочку под
ручку...» — «мышкой...» — «уйти. Обидна
проволочка с рождением; крот
шур-и-мур не шахтёр, а трутень:
ковыряется». — «И не там». —
И подумать: да разве ж труден
сам себе я, да разве дам
ей пропасть, ей не дань в рúки,
если вытянутой руки́
много, чтобы коснуться. Ну-ка,
тронь её: вы сплетётесь, — и.

Сигналы неточного времени

Сначала мы о времени сигналов договорились с сборищем предо очами нашей родины (централов, бесспорно, колыбели, шапито которой всесторонне и двуактно: раз не подох — а ну-ка, посиди в Владимирском классическом; поддакну: в классический Владимирский, поди, хотели бы присесть? — но Харп не хуже), не без бесчинств и зашиваний ран, о том, что русский по рождению уже немецкого, и коль соотчич дран — то псина, то на лыко, то на ране другая рана, глубже и больней; а если загорится — пож. охране спешить тушить не надо: прометей дотла, куря, истлеет, будут воды целее; если ж пуля угодит, то непременно в сердце; а погоды всегда морозят так, что троглодит хирург отрежет чёрное по плечи... Итог всегда один — и он такой, что не бывает хуже; онемечить такое невозможно, и запой не помогает, ибо тих, как шёпот, а не сигнал, который знать даёт: ещё один попал, и это повод... задуматься?... не думаю... а, вот:

Исупов

оставить всяк входящий въ надежду.
Оставили. Но должно ж извещать:
заранее ль, в миг попаданья ль, между ль
тотчас и, может, завтра, вот печать
нотариус поставит: «всё, с концами...»
Договорились. А потом — о том,
как извещать, что стали мертвецами,
грядущих мертвецов: затихшим ртом:
сложив ладони пионерским горном,
как вострубить сигнал «Уже готов».
Но и пальнуть в кого-то неззорно.
А можно расстрелять обойму в рёв
на стадионе, ну не всё же горном.

Ровно семь минут

Умирая не в семь до полудни, но в семь сорок три, завиральное время, которое дамочка в трубке произносит, должно быть, на идише, яблоко при декламации жадно жуя, всяк обязан голубке своей родине и одноземцам касатикам по не-балуйся (клялись же): подать не на рубль в газету некролог, но вскричать даже в ступоре в рупор: «Бо-бо загибаться, голубка, касатики (вы уж газету не жалеете, собаки)! А дико трубить в этот час неурочный, неточный — и вовсе разверстая рана!» Но — гудят семь минут, чтобы школьник, валяльщица, ас, пушкинист, арлекин, подпоручик, вохра, шмара, крана козлового шофёрка, сопрано и личный тапёр, пока горн не отсохнет, стояли столбом и, о смысле пораскинув, полезли в петлю. Вот что значит «припёр», «в петлю лезть от тоски», «не не чуть — а взаправду загрызли».

Хирург пирогов

Хирург Пирогов, пирогов хирург,
хирург Пирогов пришил,
сначала отрезал, потом пришил,
отрезал — и к мёртвым юрк, —
зольдаты заждались кто правых ног,
кто профиль с монеты. Мил
зольдатам хирург Пирогов, не лóр
хирург пирогов — хирург.

.
Хирург Пирогов искал в ногах,
порылся в носах — но нет
ни правых копыт по колено, нí
с дублонов носов, одне
с рублей шнобеля, с семи и двух,
и левые руки, монет
приличных не тыривших никогда;
загвоздка и нет войне.

.
Хирург пирогов лопухов в степях
нарвал (пироги ведь с чем);
хирург Пирогов левых рук набрал,
курносых носов с рублей
нарезал изрядно, в запас, — и юрк
работать до пота. Нем
хирург пирогов и глухарь, когда
кроит, никакое «эй»,

.

хирург Пирогов, нам нужна нога,
и левой рукой её
нельзя заменить! Пирогов, хирург,
тут нос не пойдёт с рубля!»
его не собьёт. Пирогов хирург
зольдат и офицерё
начинит репъём и пришьёт того,
чьи пасти — учителя.

Исупов

Голова*

Пришивали голову танкисту,
павшему игриво и искристо:
снег горел, когда ходячий танк
выскочил аллюром на конкисты
ТВД – и отчебучил шванк:

.
погорел насквозь, рисуя бегом
по степи живое: ЧЕЛОВЕКОМ
К ВАМ ПРИШЁЛ, А ВЫ СТРЕЛЯТЬ В МЕНЯ!
А ХЛЕБ-СОЛЬ? А В ГУБЫ С ПЕЧЕНЕГОМ
ЦЕЛОВАТЬСЯ, ЛЮДИ? И, ревмя

.
расстреляв осколочные в солнце
над сугробной степью, на червонце,
верно, оказался бы, когда б
не хирург: на прах краснознамёнца,
оценив значенье и масштаб

.
воскрешенья, промотал до нитки
годовой запас голов, напитки
пил, порвал аккордеонов пять.
И – заговорила (за убытки
потому не стали распинать:

.
крест торчит как памятник успеху).
К голове пришили неумеху
баяниста, чтобы зажигал.

Он и зажигает: очень эху
Серпухова нравится накал

.
па-де-де из оперы «Глотая,
дамы молодеют». В нём такая
дивная механика: орган
истый, не органчик, из Китая,
воробьёв сложившего в Монблан.

Исупов

но другая.

...Простыней тоже нет, но есть старая после любви (из Коломны унёс; это всё, что унёс из Коломны, когда сказано было: «Мы стали с тобой преогромны, а Коломна мала, я боюсь преогромности, и потому выметайся, зачем мне такое, я дева, у которой всё справа, пусть слева останется слева»):

.
повисев на стене, убралась, пригодившись теперь: выхожу с ней во двор; простыня из Коломны на левой лыжной палке как флаг «я сдаюсь»: «Я сломался. Я б с девой закрутил небольшое, премалое даже. Я дверь растворю в Новый год за минуту до боя, ага?» И приходит одна, и всё время приходит одна,

Нос

...И **тогда** я снимаю с себя запущение и семидневное красное, ибо желаю вблизи делать па и на память читать воспалённые песни (вдруг придётся тянуться губами и «уж не исчезни», — повторять на лады, при которых неловко уйти: пусть сидит и чрез силу хохочет над этим почти скотчтерьером, который почти уморителен: «Надо ж. Подойдёшь ко мне, **Клякса?**» — «Смешную собаку погладишь?»).

.
А вину за оставленный пост у последних чернил двадцать третьего мерзкого г., несмотря на «нет сил... до упаду... валюсь... подхвати меня, падаю, ну же!» (вдруг она на столе расканканится, голо снаружи разодевшись), с себя не снимаю. С себя не снимаю и вину за собачий восторг: вот, пришла, выкидная...). И тогда я снимаю с гвоздя в блёстках клоунский нос, он не мой, разрумянит меня, у меня цианоз.

Исупов

Осип-34

«...а что же есть поэзия, товарищ...» —
И револьвер роняется на стол.
И «...волк тамбовский? Ею не обваришь
до розового сала, чей посол, —
роняется, и вкрадчиво в то ухо,
которое под правым кулаком
быть не могло, — любовен, и краюха
под этим салом тает». «Всемером
засев строчить стишки кастетной силы,
не проломить написанным виска», —
роняется. И «нож, что сочинила
да хоть сама Маринка, кулака, —
роняется, — не рвёт, увы, не режет».
«Кому ещё беззубые стишки, —
роняется, и дуло лезет в скрежет
зубов о сталь, — гордись, читал?» «Мяжки, —
роняется, — в Кремле к тебе, собака:
“Нэ дэлай так чэтыре года, и
придём нэ за тобой, но Пастэрнаком”, —
велели передать. Уж не сбеги».

Круги

Переплывая Нару,
когда коньки на стенке
висят в июле подле
портрета Нары под
толстым льдом, коленки
и локти бьющим в сценке,
«Корова же, коровой
катается, и лёд
синит их невозможно, какой-то прусской синей»,

.
в Оку попасть желая,
надеясь на Оку,
в которой баржи, лодки,
пловцы, шахиншахиной
скользящие по водам
туда, сюда, шугу
забыв уже в апреле
вплоть до апрельской ходкой
побежки через реку отважных же людей,

.
мечтаешь ткнуться в лошадь,
шагнувшую из лодки,
которой искупаться
важнее просьбы: «Эй,
куда ты, дорогая!
вернись назад сейчас же»:

Исупов

заплыв идёт ни шатко,
в коньках бы я Оки
достиг, но сталь устала,
сопит во сне о пляже,
и лошадь не дала бы воде чертить круги.

Белоснежно

Собрано в тайге и по консервным
банкам из-под «Кильки для закуски
поллитровки белой, может, в Курске,
может, на краю (с нижайшей к нервным

.
просьбой не вперяться в бездны края,
накатив и шастая по краю
нашей плоской родины, вбирая
ощущенья, водку добирая)

.
нашей плоской родины» руками,
знавшими собачий вальс и лужу
под ногами после неуклюже
выпавшего ливня с окуньками

.
(все сухие — а на мне ни нитки;
всем завидно, что отдам не в жарку
рыб небесных, а в Оку, насмарку,
отпущу), разложены пожитки:

.
хвоя, кедрошишки, за укусы
сбитый вот такенный слепень, восемь,
по числу кругов в тайге, про осень,
всё про морось, песен. Коль тунгусы

.
нападут на след, уж белоснежно
будет, по колено и по пояс.
Как в таком снегу, обеспокоясь,
набрести на банки из-под лежня...

Исупов

Достучаться до февральских небес (из Боба Дилана)

Мама, это вряд ли я; а я
привезён в мешке к другой, но славной:
не узнав меня, она бритья
не затеет, скажет: «Ярославной
не рыдаю, а чужак — мой сын,
в пластиковом чёрном детском месте
не перележавший: я седин
в бороде не вижу, значит — ездя
от одной праматери к другой,
он провёл в пути не больше срока.
Что ж вы, падлы, сделали с ним. Ой.
Не рыдаю. Не Путивль — **Острóга**.
Виновата: мальчик чуть косит
выклеванным глазом в эмпиреи,
а культя настукивает бит
губ о край кувшина Водолея».
(...)

Мама, но и он не я — а я
побежал отсюда, я же юркий,
а они в ружьё и из ружья
в спину. А АК разбей об Урку.

Адорно

Лишь руки, не расправленные, чтобы
о воздух опереться и о сдобы
земли, спешащей вспять, легко убиться,
могли спасти обрубка, но не плáнер
урод без рук, затем что Б-г не фраер:
заранее срубил их, видя птицу

·
по бреющему всё и вся полёту,
по бреющему бешеное чьё-то
дыхание, зашедшее в беге
от зóндера, отставшего с командой
от полчища, которое громадой
шагает, голод в сведущем Олеге

·
перебивая. Отрубил, но много,
с лихвою после. Ру́ки лишь. С наскака
не захотел рубить. На том — спасибо:
говно без рук в звенящей пиксель-тоге
по электричке шастало, о Б-ге,
что спас его, крича, когда он типа,

·
догнав её, своё забрал, засунув
в неё по помидоры (у драгунов,
а он драгун, так принято в угаре),
и подле сладко, как убитый, крепким
забылся сном, а эта, из сурепки
восстав, ему срубила руки: «Кари

Исупов

.
насколько же глаза у этой твари,
а щёки серы, словно в самоваре
вдруг отразился серый, а не эта.
Не на́ двое, не поперёк, а лапы,
одни лишь лапы. Господи, не слабы,
но как щедры, как горечью согреты

.
твои о нас мигрени!» Выло, выло,
по электричке шастая, но шила
пока не вынимало это тело,
в том смысле, что заскóблено орало,
вынашивая орденское сало
Христа заради, ради опохмела.

.
А тут оно вдруг девам на колени
придумало садиться и в Шопене
крюка́ми упражняться столь проворно,
что трое дев затроганными стали,
и сырость развели в вагонном зале,
и с мест бежали под крыло Адорно,

.
ну как Адорно — пары человек,
которые, недолго померекав,
хватая эту пиксельную форму
с её произвольным содержанием
и, дверь разъяв с «ещё не подъезжаем»,
швыряют прочь — и все приходят в норму.

Китс

За городом есть яблоневый сад,
его хранит сирень, которой снится,
что воробьи окрест токуют Китса
зарянке в ней самой. А я и рад:

.
подкрадываюсь, чтобы Китса тон
урвать и распушить в своих поделках,
и горстка дождевых червей в гляделках
зарянки вьётся розово, центон

.
из Китса упреждая: песнь «Мерси»
выводится пред снedyю, и садится
пичуга на ладонь, и следом Китса
затягивают воробьи вблизи.

.
Сие чуть свет творится: на заре
поёт она, орут своё для зорьки
на зорьке воробьи... Да слёзки горьки,
обычно сладки, но не нынче: в пре

.
с собой я встал, ни часа не поспав,
на звуки света злиться, топать ножкой...
В саду есть домик, в нём сейчас сторожкий
могильный звук молчания: ни «гав»,

.
ни **Первая глава** затишье не
разладить и хотели б — да не могут:

Исупов

волнистый шельма свёл домовый клочок
к никчёмности и свистопляске вне

с её зарёй и галдежом других
птах, но не этой, но, увы, не этой...
Волнистый свин из нежности, задетой
домашних небрежением, гнал стих,

да на́ ухо, сев с лёту на плечо,
да Первую главу (не без изъятий)...
И вдруг шепчу Марине: «Нет, хлопчатей,
дай мягче ткань, ему же в ней свечой

взлетать в земле»... Волнистый негодяй
вдруг, вытянувшись в струнку, стройно замер.
Был Санечкой родной трепливый гаер.
По голове ходил. Теперь — прощай.

Несём тебя в леса, в которых ты
не полетал, был не летун — читака.
За нами хвост: прискорбная собака,
твой друг... Лети. Высокой высоты.

Портрет

Дул ветер яблоч, что вчера упали:
он скучивает паданцев в покровы,
он забирает дом, застрявший в свале,
изящным обрамлением в дворовом

пространстве верным кругом под луною,
он вписывает дом в окружность яблок,
и дом, как кот сморённый, дремлет, роем
антоновки оправленный. Круг ярко

под солнцем ночи, на него на блески
несутся досентябрьские дети:
дом в паданцах — завзятый плен, и рёзки
у августовских шкетов на планете

антоновки обряды: до колодца
тропинку выбирают, до калитки
тропинку выбирают, — сбережётся
тогда покров из яблок (аж завидки

берут: когда б у нас без них тропинки
такие были!). Дети — а забыли,
что в этом доме не даёт слабинки
одна, которой при дневном светиле

как миленькой летается. К колодцу
перепорхнуть с крыльца — такая штука,

Исупов

с которой невозможно побороться:
антоновкой слетает по излуче

.
параболы к колодцу и в колодец
бросает плод, который громче прочих
кричал: «Смотри, смотри: воздухоходец!
Она летит, как мы: без волн сорочьих!»

.
И крикуна, узнавшего секрет,
достав ведром с водою, добела
разогревает на груди, — портрет
двоих дружков, исполненный тепла.

Сала купи

Он всё сам, и деточки его –
тоже загляденье: без оркестра
техника-смотрителя («Мать...») о
стенку головой («...слышь, Клитемнестра,
распахни тулуп, дай укусить
за сосок, мы – форменные змеи») –
и с ключами ввысь, на крышу, ить
крыша хороша для одиссеи
с метким камнепадом всё равно
на кого: «Но первым будет дворник.
А вторым я в мокрое пятно
превратить мечтаю... нынче вторник?...» –
«Вторник». – «...одну сволочь из детей:
сволочь ходит в Зимний сад с мадамой.
Эта сволочь – лишний чел, ей-ей:
резв и мил». – «А прочих, преупрямый,
мне доверь, ага?» – «Ага». – «Судьбе
то есть, то есть их куску фортуны:
я глаза закрою, и в толпе
ротозеев, пляющихся в луны,
кирпичи роняющих на них,
сделается брешь по форме призмы». –
«Если кирпичи из пробивных». –
«Это да: возможны аневризмы,
но не дыры в головах внизу...»
Ас небесный, он висит над бездной
городов. «Сейчас, лишь растрясу
весь бомбокомплект над бесполезной

Исупов

кодлой мам и их грудных детей,
что сейчас смешно трусят в подвалы...» —
«Милый, по пути домой успеи
в магазин: купи мальчишкам сала». —
«Ну не знаю, милая, мне звёзд
рисовать придётся уйму с прорвой:
город подо мной ширококоост
в бёдрах дам, и без полулитровой
не понять, на чём их малевать, —
всё в душонках-звездах, даже брюхо...»
«На хвосте попробуй, он же гладь...» —
«Сала детям? — Оторву! Спокуха!»

Ленка на девятый день

В электричке был, потом в подземку
залезал с опаской: только б в Ленку
лишний раз не брызгали слюной.
Ленку искорёжили на Лобном;
«Чувствованья Ленкины прихлопнем», —
зарекались скопом в нутряной

.
злобе дирижабли и плакаты
в день отместки Ленке, в день, когда ты
порвана была на псиный корм
(так теперь наказывают дóма
человечка редкого симптома
совестливой жилки, и на ком

.
отыгаться милое же дело).
Ленкина природа от расстрела
воробьёв из пушек мятежом
исполнялась, а когда настало
среднее вековье и из зала
с белыми колоннами, с ножом

.
в сапоге крыленки потянуло
вонюю кола, вара-перьев, дула,
плакала и плакала, хотя
кто же плачет (и о чём!) на Красной...
Ленку урезонивали: «Празднуй,
празднуй, дура, мы теперь в вождя

Исупов

.
веруем, а значит, рёва — вода»,
а она белугой выла. «То-то
будешь показательно того»...
Но в метро не Ленку — идиота
Лёву поминали, и для лёта
праведной слюны из одного

.
общего вагонного едала
было время, час был. Схлопотала
Ленка девять дней тому назад, —
и забыли Ленку (с Ленкой в школе
млели от стишат, вот я и холю
память о и впад, и невпопад).

.
Ленка мне какая-то Гекуба.
Лёва мне никто, и если дуба
даст сегодня Лёва — не всплакну.
Лёву, говорят, зальют бетоном.
Лобное теперь аттракционам
фору даст, даёт. Я «ну и ну! —

.
хохотал в подземной электричке,
брызгая слюной в сплочённой смычке
с родиной моей. — Молчал дурак!
Шйшела на Красной взяли: Лёва
вышел на неё — и ни полслова!
Мать его винулась: «горла рак»!»

Человек в пальто

Я его вижу, вижу его, а
как он в ночи на кухню при запорах
на двух дверях не тронутых, не хворых
проходит в этом сучьем амплуа

.
страшили в чёрном кожаном пальто,
моя не понимай. Не невеличка,
чтоб в фортку прошмыгнуть с пургой впритычку
и сесть за стол, и бить затылком по

.
моим глазам (не верящим в беду
такой душевной беспросветной хвори),
и по ушам хлестать (пальто — полгоря,
что деланно скрипит, пальто в ладу

.
с кукушкой, промышляющей в часах:
пальто орёт с ней в голос). С поволокой
на вымокшем уме попробуй строгий
взгляд брось на фортку, коль глаза в слезах...

.
Но — форточка заране от таких
гвоздями заколочена, что значит...
Что это значит, человек, что начат
как вена для уколов, то есть псих

.
в трусах, трясущий в коридоре тьму?
Гранату. Раздобыть. Отнять. И в деле.
Использовать. Швырнуть. Чтоб в плюш одели.
Теперь войду к нему и обниму.

Исупов

Дурак

Они гогочут не всегда навзрыд
и не всегда, упав со стула носом,
нос разбивают в кровь, чтоб, кровь морозом
остановив, кричать: «Как костерит!
Ни нас ли он высмеивает этим!
Мы, думается, тоже... бредим-бредим!..»,
но, отрукоплексав, всегда ко снедям

.
и запотелым водкам на столе,
накрытом ради них, а не придурка,
невольню дружно, машинально, юрко
раз — и вернулись, хлоп — навеселе,
ам — и до рвоты сыты и лезгинку
танцуют на столе, бросают финку
в арбуз на голове, найдя блондинку,

.
хватают её за. Всё как всегда.
Дурак забыт. Дурак холодным потом
в кровати изошёл. Дурак всего-то
всегдашнее прокаркал: «Ой, беда,
величество, какая: на фонарном
столбе тебе висеть, фашист. Пожарным
не снять тебя — мы не дадим коварно

.
и вероломно».

Дура суринама

Они смеются. Милые мои.
Они смеются, дуть оставив в блюдца.
Они гоняли жаркие чаи
в холодный час. Теперь они смеются.

.
Я их развлёк. Я выходил под снег.
Я выходил в пургу в одном исподнем.
Я пролежал в сугробе целый трек
Махатмы Ганди «Речь “Мы рассупоним

.
хомут на шее лошадей-людей”».
(Как рассупоним? — так: печальным ржаньем.)
Мне кажется, **южак**, а не борей,
сегодня выл. И я, во избежанье

.
уноса вслед за Дороти в ту даль,
которая у нас тьмутараканью
зовётся, закопался в снег. «Мне жаль, —
сказал я милым. — А сейчас я ланью, —

.
сказал я им, — скакну, скакну, скакну».
И я скакнул. Потом упал, отжался.
А после подтянулся. И в струну
расправился, на руки став. На галсы,

.
шагая на руках, весь изошёл.
Привнёс веселье... «Дура суринама», —

Исупов

мне кажется, услышал я. Укол
послышался. Подобное упрямо

.
теперь мне лезет в слух: хороший смех —
а слышу это... Пусть. Не страшен холод
теперь. И на руках пошёл. И мех
теперь не нужен: холод, а я молод

.
теперь и выхожу лежать в снегу.
Я всё это теперь опять умею.
А оторопь исчезнет к четвергу:
теперь всё к четвергу, и не позднее,

.
стирается во мне. Сейчас четверг,
и мне неделю с «дурой суринама»
сходить с ума. Четверг уже померк:
я пригляделся к тем, кого незнамо

.
зачем смешил. И сверился с собой
на спрятанном подписанном портрете
(себя я ещё помню). Боже мой.
Чаи гоняли жёнушка и дети.

Мыло

Ненаглядный ирод, друг младенцев,
лучший друг младенцев, тех, что грудью
не без язв, рубцов и заусенцев
мамы кормят, поят своей сутью
(как это... забыл былое слово...
вспомнил слово: что-то вроде плова

.
с ложечки: как на убой *любовью*)
угощают, запропал однажды,
и соски иссосанные вдовьи
пригождались, в дело шли, от жажды
деточек ещё живых спасая:
доверху нальют, и баю-баю

.
(звуки мам прокурены — но песня,
правда же, возросшие исчадь?).
А потом опять (от венболезни,
что ли, излечившись), как с распятья,
на экран сошёл: такой весёлый,
как нарыв, живой и с баркаролой:

.
«Господа ташкентцы! Я с восторгом
учреждаю День защиты детей,
огнемётом сожженных, до моргов
так и не дошедших, так как редок
огнемёт, который за собою
трупы оставляет. Труп! Какое

Исупов

.
там! Лишь кучки пепла, бездны вони!
Будет выходным! Да с песней-пляской,
распродажей валенок, в загоне
на «уралах» гонками по тряской
вертикальной стенке!» И креститься –
ну, и ну поклоны бить, и в лица

.
тех плевать, кто не сумел в падучей
биться, только сопельки из носа
распускал плакуче до онучи.
Венболезнь? Ах, если бы: колосса
извезденья деток не сломили б
шанкры-гонококки. Дело в мыле:

.
руки кровавые до двуглавой
мышцы, но забиты мыловары
по распоряженью завдержавой
(близоруки иродовы кары);

.
ирод зарос кровью и робел
перед матерями не у дел.

Луноходы (ему немило)

Если спросить их: «Ну как вам? не тянет домой?», сделают жирные лица (от сущего счастья) и жирным тоном (от переизбытка «бог мой») вякнут гортанным своим (перерезав запястье — чтобы поверил: поверил — не просто кивал) голосом на горловом диалекте **Мороза** (кратера-родины на): «Ну чего ты, амбал, роза есть роза, Гертруда, бог мой, из навоза тоже растёт и не хуже воняет, а тут, о командир ИТЛ, санаторий с нарзаном. Бог мой, начальник, пайком пересилен **скорбут**, зуд лишь в паху пионера, а не в бездыханном теле, в котором копаются щупальца из Герберта. Бог мой, начальник, спасибо за норму. Освобождает и лечит!» Бисую. На бис «А́рбайт махт фрай», — подтверждают другие. Иному труд перетрёт терпеливость, и он в один день (был на разводе, дышал, а сейчас...) испарится. Только не этот, в которого трепет продень, гвоздь засадив ему в руку, покуда живица течь продолжает, признается в подлинном: «Нет. В вашем раю не притёрся ещё. Вы не бьёте — а перинеум губами ласкаете вслед за языком. Не привык. Мне немило. На мёде я произрос, командир: луноходы, на Марс сев, переехали всех, никого не оставив. Я же из жести, во мне течёт лава, ваш фарс — лепет. Даёшь долотом. И начните с суставов».

Исупов

Всё, что тут есть

Господи, это молитва, и эта молитва остра.
Господи, я тут чужой, но я вышел за хлебом
(хлеба здесь нет, есть агдам, он бухло, но добра
мне и не надо иного для тюри под небом;
небо тут есть, это всё, что тут есть, кроме трав;
травы растут, растут сами и сныть, и калина;
вот те и тюрят: полынь-лебеду пронцав
взглядом-попрёком «а ну, не душите, не глина ж»,
ими приправишь, агдамом зальёшь и живёшь
кум-королём). Этот хлеб нарасхват, ибо жажда
хлеба великая есть. Всякий в клёшах, и нож
всякий с собою таскает и режет — и дважды:
чтобы отнять кошелёк и добыть себе хлеб,
а во вторóй раз — из павловских лучших резонов:
для воспитанья повадки: пырнул, — и окреп,
зарубцевался, став нормою для миллионов,
этот порядок вещей: не пырнуть — а вдохнуть,
нож отереть о другого не прихоть — а выдох.
Господи, хочешь — втыкай этот нож в мою грудь
снова, и снова, и снова хоть в ноны, хоть в иды,
только позволь, позволь мнѐ, не молчать — но орать
в недоумении, злости и к смиренным собакам
рваться на помощь. Господь, ты отец мой и мать,
дай мне силёнок не видеть волчару во всяком.

Один дома

Ищешь старое радио, чтобы унять Ничего.

Голоса глухарей в старом радио, найденном в банке из-под воздуха подле одной, что, нырнув со стремянки в пору Спаса вглубь кроны, промашкой своё естество обругала, слезать отказалась и, яблочной пташкой виновато себя обозвав, унеслась, чтобы фряжской —

·
фряжской стать, а не нашей, — визгливы, как гвоздь,
в Никуда,

облепив полумухами рупор, токуют о детях,
на которых с рожденья кольчуга и каска, и в медях
их раззявые рты: рты заране полны, полнота
проездных медяков не явление — треба Харона:
наломавшись на вёслах, дурит, его блажь похоронна...

·
(Дети — все — от сто лет как пропавших в столетней войне.)
К чёрту радио, лучше Ничто под мой вой, чем сей русский.
Тишина в этом доме среди этих яблонь вприкуску
с этим беганьем мышьям на цыпочках, чтобы вовне
досыпáли со сладью, истошна. Но хвост у собаки
уже вторит дождю, а ему вторят всякие бряки.

Исупов

К.626

Когдá закончатся следы,
которые просты, густы,
как всякий семенящий след,
куда-то тянущийся... нет,
изображающий кого-то
на глубину его ухода

.
из... это ясно, но куда?..
когда? Шныряют поезда,
собаки рыщут по делам,
тесня следы. Не по тылам
виляют – на передовую
заносит их, и в их кривую,

.
в рубцы от тапочек, резцы
собак и скорых, подлецы,
впиваются. Но след – кремень:
он дальше шляется. Трень-брень,
отняв у Лили мандолину,
играет след (наполовину

.
седеет здесь, услышав, что́
он вдруг исполнил). О пальто
он вытирает руки тут
(коль скоро мыла не дают):
для птичек КЛЮЙТЕ из пельменей
натуралист сложил; с коленей

.
сугроба с КЛЮЙТЕ спрыгнул и
разлился в искреннем МЕРСИ
трепещущего цвета. След
бросает следующим мушкет:
палить в пургу, когда из выюги
вот-вот придут шоферюги

.
и свет нащупают в глазу?
А прежде след сронил слезу.
А до слезы — заброшен свист:
был променад, а стал лесист,
и лишь снегирь на посвист мухой
порол горячку... Что ж, послухай

.
теперь сюды, читатель ó.
Куда? — В края, в которых по́
не ноют — некому там ныть.
Когда? — Вот оборвутся, ить
смерть не следит, не любит знаков.
И никаких тебе оврагов.

Исупов

в апреле.

Тут в рифме дикость и пелёнки,
и будет маета одна:
«голубчик — чубчик» — кривизна
заведомая, но на плёнке

.
(см.) так и есть: и снег — голубчик:
лежит красивенький такой,
в апрельских лыжах да рекой
драть пятки по́ — восторг, и чубчик

.
на взрослом мальчике на месте:
он был садовой головой,
он так обкарнывался, свой
склад непростой блюда. «Изъезди, —

.
захлёбывается (сл.) с плёнки
бегущий через полыньи, —
промоины, и вкус кутьи
изблёвывать устанешь :-)!..» Гонки

.
в ночь вскрытия реки — обычай.
А не тонул лишь он один.
Он обелялся: «Маде ин
я. Не “Варяг”. Я красный бычий.

.
Клянусь вам: в будущем апреле». —
Но пред апрелем был февраль.
Февраль, а не апрель, как жаль.
Хотя бы звонче акварели

Боль

Странно маме это и досадно:
боль не убывает: на свою
ровную тупую из засады
нападает чья-то, и дурью
любопытно вместе человечка
добивать. Засадная – своя,
впрочем, тоже: пряталась в местечке
Серце с малолетства. Так, двоя
боль, боль умножают обе боли...
Вошь и моль, совокупившись вдруг,
снова гробят маму в снежном поле,
заклучив в стальной колючий круг
лагеря по-быстрому, где мама
мамы перемёрзла, а за ней
вымерз человечек килограмма
в три-четыре, он ещё теней
не бросал на это сучье тело
около Луны, он не успел,
самый новый в их семье; свежела
зря её семья. Слогораздел
на войне «войны» толков и резок:
«вой» и «на», где «на» – на, забери
летом порождённого в довесок,
вошь под стылой Нарой. Декабри
мама ненавидит, на морозе
маме больно. Ей теперь всегда
больно: моль, по карте поелозив
до мозолей в лапках, города

Исупов

в трупы растирает бабьим летом
и февральской ночью в високос.
Маму боль корёжит рикошетом,
а других – прицельно, на вопрос
«что уцелевает на поверку
в вены вскрывшем поперёк и вдоль
виде homo?» огрызаясь: мерка
человека: боль, одна лишь боль.

№34

Грудь не берёт, грызёт пельмени,
в дверь не стучит, бьёт в барабан,
в трамвае тех, кто на колени
согласен сесть, сажает, кран —
стоп-кран — срывает (есть в трамвае
стоп-кран?), когда водитель на́
влюблённых злится: «Опекаю
влюблённых! а они! странна
любовь! зачем им это надо:
встречаться на моих путях!
сначала эта... серенада!
потом другое... вгорячах
ложатся там, где прихватило!
а это мой трамвайный путь!
я ключ даю им! я дурила!
ключ от квартиры: повернуть —
и вы в уюте! на диване!
и мама чаем напоит!
но им любезны рельсы, а не!
любовь, любовь, ты менингит!»,
когда же за рулём шофёрка,
сесть на его колени ей
предложит, чтоб тридцатьчетвёрка
умчалась вдаль в отлучку, дней
бог знает где не наблюдая...
И грудь бы брал — но не дают.
И не пельмени, а иная
кормёжка меж осинных блюд

Исупов

его пленяет: макароны,
конечно же, по-флотски. Жаль,
утерян их секрет, уроном
жива цусимская кефаль.
И в стельку на велосипеде
катался б до саврасых мыл,
да в лом крутить педали эти.
Лишь в барабан бы бил и бил.

Выли-улыбались

Яблоням таскал живую воду.
Яблони стыдились: «Нам и мёртвой,
если она нервная с исподу,
если разнесённая аортой,
растерзает наше безразличье,
а не тра-ля-ля от орд мальчишек,
хватит полубочки. По-девичьи
не обидим, понял нас, глупышек?
Только сам прими её сначала, —
мнительные мы от этой суши
что-то стали: чтобы выступало
твоё брюхо, чтобы ты не хуже
рекрута равнялся на седьмую,
на вот эту хрупкую от зноя
мельбу, весь налившись. Аллилуйя?» —
«ОК, аминь». — «Заглотишь паранойю
перед нами и гуляй, рванина». —
«А вы следом?» — «А мы следом-следом...»
Наглые, но снулые. Равнина
(русская, гм) даже перегретым
летом перепружена прудами:
ближний чуть не вынес: рыбы выли,
мельбы улыбались. Тремястами
ведрами был сломан, тут же в мыле
выпал, чтобы выбросить побег:
обложной, которого не ждали,
налетел, буянил, вылил реки.
Стану в ряд в садовой пасторали.

Исупов

Настроение

У меня оно ровное.
А у вас оно скачет?
И у вас оно ровное.
И у вас оно, значит,
идеально прямое,
будто синус покойника.
И у вас сердцеоника
заплыла ветчиною.

.
И у вас за никчёмностью
говорящий анатом,
руки в свинокочёности
измарав, в чудноватом
загрудинном устройстве
перерезал до ниточки
ещё маминой выучки
беспокойства, расстройства,

.
нервотрёпки, симпатии,
дифтерит накануне
дня рожденья, объятия
скарлатины в июне,
когда всякий до дрожи
от ныряний до вечера
без ума, недоверчиво
из реки непохожим

.

на кого бы то ни было
выбирается. Ну-ка,
подберите мандибулы,
пригодятся. Старуха,
презирая натаску,
налегала на нежности.
Мам! У нас в безмятежности
ни сомнений, ни ласки.

Исупов

Совсем детское с.

На вагон для плавающей рыбы
восхищённо посмотреть, глаза
рыбе в её скользкие «спасибо,
что вгляделись», – это одиссея:
не догнать вагон без шибкой клячи;
клячу не отбить без пулемёта;
пулемёт не вырвать, не портача:
не уняв конвойного, дремота
чья потом сомнительна: дремота ль?
или её брат? (и я не знаю);
не сыскав ребёнка рядом – одаль
раздобыть, забрав ребёнка с краю,
для волчков оставленного; с серым
на «лепажах» драться до удачи;
не шлепками – хвостовым мохером
в ухе разбудить дитя (от сдачи,
если отмахнётся, уклониться);
на морозе водрузить на плечи,
чтоб на всём скаку не чрез ресницы,
но во все гляделки, не калеча
будничностью (скажем) слёз восторга,
ахал-охал (слёзы с кулак – градом!).
Нам-то как отшибло; дальнорорки
мы-то: видишь, видим, но не рядом.

Не менее детское с.

По вертикальной стене на пластмассовом пони полземплекопа несётся галопом, филоня: надо б копаться в земле (вот другой половине всадника вбили: Земля земляная; морщина Землю горою земли из безбрежной канавы, можно горой дотащиться до кратера справа и моря слева, которые лунные дали вовсе не портят; достигнув Луны на отвале из лабиринта окопов, таким же макаром и до **VZ Живописца** добраться не старым, но землекопом цветущего возраста проще, чем на ракете лететь под прикрытием ночи и подрываться, мертвя их цветущие степи; проще и дóлжно!), а он потешает в вертепе тех, кто толок и ссыпáл в магазинное масло тару стеклянную, тех кто в народное масло только и сýпал толчёную стеклопосуду. Сущие дети живут в ИТЛ, и, «покуда сущие дети живут в ИТЛ, к Живописцу, – сука орёт на зэкá, – из-за вас нам тащиться не пятилетку, а две!» Разобиженный пони ест стекловату. Ворчит половина: «А вони...»

Исупов

Довольно детское с.

На палке, ржущей лошадино
(все без ума от и-го-го),
скакать по этажам — картина,
усугубляемая по
её краям: квартиры с краю
отзывчивы на гулкий стук
чего-то круглого: вторая
вслед за восьмой на цок, на тюк,
на перекатыванье круглых
(ковриг? сироток? дураков?)
каких-то тучностей (на куклах?)
вдруг отворяется (годов?),
и чья-то голова в проёме —
уже не голова, а так:
наперекор менингиоме
ещё смолит, ещё колпак
не уронила, но уж впору
её пинать, не на плечах
она уже, футболить, фору
в две головы при двух очах
давая любопытной Варе,
чьё ухо к двери номер пять
прилипло, слушает. Я, шаря
по дому, в чём бы погулять,
нашёл на палочке савраса,
теперь скачу во весь опор,
срубая головы, безглазо
на длинных шеях в коридор

протянутые. Как ударю —
я сабельку, чтоб делать вжик,
сыскал, — гарцуя! Ну же, Варя,
открой и высунься, мужик.

Исупов

Очень детское с.

Исчадые, живущее с мыслью о завтра, влюбило в себя предстоящих покойников. Ходит с зубилом, с ножовкой для мяса в детсад «Из-под палки». Едва пробудится солнце, летит впереди паровоза, родителя снулого: «Сам я, я сам! Баба с воза, — и мне будет проще скакать, ибо ты не резва. Вали с полпути досыпать, хорошо, моя ма?»

Спасибо, исчадие... Тут же танцоры балета дитя обступают и клянчат влюблённо не где-то в районе ноги замастырить изрядный изъян, но в верхней конечности, в левой конечности, «дырку, с которой мы сможем блистать в “Лебедином” впритирку с Одеттой, а не в штыковой в Куликовской, в туман свалив неизвестным солдатом пехоты. Обман,

не правда ль, мастырщик, простительный?» «Целой десницы грядущему Зигфриду хватит, не правда ль?» — винится дитя с долотом и ножовкой, над шуйцей корпя. С избытком, спасибо... Потом в перестрелке на Калке не очень хотят подышать пианисты, смекалки которым хватает: «Отрежь-ка нам ногу. Тебя устроит “Алёнка”?» — канючат мальчишки, терпя.

Последнее (на сегодня) детское с.

Признак известен, но мамы, собаки, опять этих рожают, которым положено спать ночью на лавочке в парке без имени, ибо служба отлова их ловит, и в слове «Спасибо» служба отлова рыдает об их роковой смерти на днях (хотя могут устроить – впервой,

.
что ли? – на месте отлова кончину): «Мерси вам за летальный исход под Воронежем. Сидя под Воронеж отправят собой амбразуру законопатить. Сумеешь? Смогёшь! Белокура как шевелюра твоя, как ты тонок, черты как же тонки и мягки, и нежны. Но кранты,

.
ах, неизбежны. Не плакай. Вяжите ж его́. Снова рожают не мёртвых – здоровеньких, но с книжкой стихов в сладких рученьках. Мамы, вы дуры, что ли, набитые? Дауна б надо. Дочуру (будет гетерой). Сынулю с заточкой. А вы?.. Дырккой на дырке обглодан. Какие тут швы.

Исценов

Кодла

В кодлу сбиваются мелкие. Кодла на что́ им — знают лишь Броун и эти, заряды «плюс», «минус». Кодла сама завивается в кодлу. Обоим мелким с зарядами лишь преподносится: «Ринусь. Скоро. Когда захочу. Навостритесь и будьте». Быть под рукой — это всё, что положено мелким. Бычатся ль мелкие в кодле, по локти в капуте тех, кто не в кодле, изгваздавшись и опохмелки требуя (ибо прирезать за взгляды старушку, взгляды косые-косые, не то, что за рубль: рубль есть трёшка, когда три старушки, в речушку выпав, не всплыли, а трёшка есть выпить за убыль в стаде старушек, глядящих с мертвящим укором), или старушку ведут чрез дорогу, спасая от переезда машиной с цистерной с кагором, знать, для чего это, им не дано (вертухая — коль по пути вертухай подвернётся, — налево препроводить во всей строгости, в чистые шмотки переодеться не дав? без подвоха и гнева в карты его проиграть другой кодле?). Так кротки мелкие в кодле, такие пеструшки, что кодле их безотказность встаёт поперёк её горла, и уже вертятся новые мелкие подле, — и старых мелких сдаёт на убой наша кодла.

Метиз

Заведомо покойным детям из
стакана бормоту дают не люди,
но нелюди какие-то: метиз
из пьющего не так винище, буде
дита, чтобы родные не спились
от срама, не подохнет с N стаканов,
не вымахает — вымахает слизь
на золотоордынских танках (грянув,
с Мамаем бой под танки станет класть
вот этих недоделанных, и траки
татарских «Тигров», накрутившись всласть
на этой слизи, в слизь купаться паки
вернутся, отдышавшись). Не метиз.
Не гвоздь. Не болт. Не дюбель. Он не годен,
не дувший из горла вина, а из
стакана дуть — измена, подворотен
отечества не стоящая. Мы —
пьем из горла, по горло нас, мы люди, —
заранее покойным детям тьмы
даём сосать шмурдяк из сущей сути:
лишь из горла и только из горла.
И вот тебе не слизь — но гвоздь, и в мясе
гвоздей тридцатьчетвёрки спрехвала
в котлетном вальсе мнутся — но как красят.

Исупов

Цырк

Трогая ток, потихоньку проходишь науку
щупанья и привыкания к току, что току
тоже на пользу: он дело, подобное трюку
(хватать — и ты скрючен, лежишь на полу, но глубóко,
ниже **границы Мохó**, и Харон в кимберлитах
ходит на яхте, на борт прибирая лишь стойких),
делает много нежнее, покуда в разлитых
пó полу лужах мочи, словно время в попойках,
плещется жизнь (хотя это стучащие зубы).
Выпить приходят товарищи раз, — ты никчёмен:
вонькой колодой торчишь из розеток халупы.
Выпить приходят товарищи два, — до оскомин
тот же пейзаж, но колода уже косорота:
«Пальцы в розетку совал. А теперь хочу водки».
Выпить приходят товарищи три, — у колоды
вдумчивый ум на лице, но искренья проводки.
Выпить приходят товарищи семь, — а ты в кабель
голый, как поле в предзимье, вцепился резцами:
ток протекает, течёт благосклонно, ни капель
из причиндала, ни судорог; как прорицали
Павлов и бобики, ток пообвык, ток притёрся.
Но для чего это всё? — Ради цырка (не зоо!):
стану ковёрным с пахучим обугленным ворсом,
рыжим любимцем детей, избалованных зовом:
«Делай, как я. Кто мечтает пройти на арену?
Эти амперы тоскуют без маленьких ручек».
Ручки обуглятся. К куполу руки воздону.
Дети всхохочут. Исус подмигнёт: «Лучше с жучек».

Отзыв*

«А Шикльгрубер это с кем?» —
теперь выпытывают, прежде
чем запустить в трамвай, а вежды
не размыкают: я диржем

.
сую, а не монетку в семь
целковых, но впускают живо,
впускают переждать наплывы
на свет дождя, снегов, совсем

.
глухой осенней тьмы вослед
облаве на машинах «Пиво»,
в которых густо, говорливо
и непродых воняет... нет,

.
не «Клинским»: страхом и судьбой,
хотя написано, что пиво,
а не тела трудолюбиво
машинки тянут на убой.

.
Пароль назвали, вот ответ:
«Да с кем угодно, но не с нами!»
Не восклицая временами,
вы сводите себя на нет.

Исупов

Сука

В затылок пёрлись. Сука подле сбоку метался, чтобы выкусить кусок из головы (потылицей припёку ослабившейся), из хвоста (без ног, но на припёк ещё глядящий рылом), из сердцевины (в темени её копалось солнце, чтоб в строю унылом, ковыль жуящем, за едой клюя, проснулось ожидание капута, а также раж в преддверьи амбразур), всего кусок, а не овцу, покуда бараны марш-бросаются. Вприщур постигнет боль хвоста и шась к серёдке, из середины вырвет ногу-две, и к голове. Нарывы на обглодке колонны шаг сбивают, но в строфе «Дадим отпор душителям» колонна как никогда люта, визглива и не против, если (гаркает: «Резонно») сбивающимся с шага в житии отказывают (гаркает: «В шелкóвой у ну-ка повиси»), — и на дубы, а нет дубов — на фонари (дубровой не всё полкам томиться от ходьбы). Так до степей и пёрлись с сукой обок. К степям у суки смертная любовь: подлодку «Папа» (ломом бы о лобик) ему построй, а нам — предуготовь.

Ногти

Я костёр? Я свечусь. И я рваный:
из меня за примером пример
выпадают резцы и сметаной
экссудат вытекает. Курьер,
прискакав на хребте от каурки,
каркал хохотом: «Лак для ногтей?!
Не приспичит вовеки. Придурки.
Затаскали развязку. Прозрей:
красный лак, синий лак, лак зелёный,
крась не крась — а вчера отпадут». —
А молодые?.. — «Его мегатонной
саданули, а он... От остуд
заказал бы ещё лобызаний
целлофановый полный пакет...
Разве что на останках, овсяней
коих только кисель». Я задет:
я из подпола вылез — и к куче
тел, прибитых ударной волной:
есть молодые! возрастают. Наскучит
красный лак — обрету земляной.

Исупов

Понт

Нож — он тёплый и ламповый, а термояд...
 термояд весь издёрганный и, говорят,
 к обезьянному нашему стаду,
 в подпол вросшему и на харчах погребов,
 если это Воронеж, а может, Тамбов,
 прорастающему в Илиаду,

.
 то ли холоден, ибо сжигает дотла,
 то ли глух, потому что порода выросла
 иерихонской, как пробка и семя
 всюду сеющей, будто ублюдки — горох...
 «Я царь-бомбу вознёс, будто крест, — скоморох
 Спасской башни бабачит. — Mein племя

.
 uber alles». И трогает галстук (тот жмёт,
 не пеньковый, а жмёт), и осенний помёт
 отправляет доканывать Трюю,
 выдав финки, а финки — такие ножи,
 от которых редеешь, не хуже парши.
 Понт есть понт, пусть Эвксинский порою.

Стишки

Пустота, а в пустоте мороз,
вьюга в пустоте. Нужны секунды,
чтобы поседел седой. Он ўнты,
он тулуп, натягивая нос
вьюге, он треух надел и так
на мороз, во вьюгу за стаканом
горькой вышел, думая поганым
зельем задушить, запив, тик-так
и стишки. Наставший койко-день
промелькнёт же в чтении стыдóбы,
Пастерна́ка! Снова эти оба
в утреннем биении о тень
на стене седую головой
будут виноваты. Надо б горькой.
Надо бы стакан. И лучше с горкой.
Это – капли. Это – горький вой
конопатит. Конопатый прочь
за стаканом вышел. Там, во вьюге, –
ничего и без износу трюки:
за мгновенья, чтобы растолочь,
оголяют. И куда ты без
поседевший не в квадрате – в кубе...
К синей книжке, шевелящей губы
поцелуем. Если бы воскрес.

Морзе

Без утрат никак: вино, картошка
вызывают боль, но и к себе
вызывают в час, когда кормёжка
с питием забылись. По трубе
бьёшь тревогу, молотком три буквы
забивая ночью в свальный сон.
Морзе сна изыскан: «Что за стук! вы
на часы глядели?» – Ой, пардон,
это я со страху. – «Извиняем». –
Вот спасибо. – «Нет, спасибо вам». –
Я заглажу стук. – «Ты невменяем». –
Я приду с цветами... Их словам
веришь: поломают позвоночник;
спустятся (поднимутся), – и р-р-раз;
постучатся ночью, мало ночек –
утром дверь ломают, – и из фраз,
брошенных спасителями в «скорой»,
сложится: сломали, пополам,
не ломался – ломом всюя сворой
колотили; впрочем, по делам.

Действующие лица

Выползешь из щели — и в каналы,
по окопам шляться. Трупный малый
без руки копается в носу:
брат его безногий колбасу
пальца не в свой нос суёт, из жвала
вынув не без вопля (обглодала
челюсть палец, стала колбаса
кровяной, менандровской, но за),
студень выковыривает, пальцы
облизать не стыдно (студень смальца
не заменит, но зато — еда:
сгустки из солдат, сойдясь в стада,
носятся по вакууму безглазо,
на нос натываясь, — нос из лаза
высунулся). Однорукий — гм,
адмирал, приказы чьи взаймы
взяты из кина «Ушёл в атаку»;
мёртвый одноногий, давший факу
дело, — ординарец, брат-матрос;
выползал в канал им. Папирос,
чтобы осмотреться, нет ли свежих,
с кровью в гузнах, а не с ветром в брешах
марсиан, нательный паразит,
ваша (но всякий сам собой убит).

Исупов

Морфемный разбор

Коробленье кажется ничем:
 пустота коверкает, вбирая,
 вздорное на теле: из морфем
тел и *о*, не тронув *о*, другая
 часть того, кто был засосан и́
 возвратился, ибо был покорным,
 и перекрестился: «Да они
 буду ре, семья моя и с корнем
 были обходительны», свой нос
 (прежний) (предположим) потеряла:
 был ахейским, но пошёл вразнос:
 стал сифилитическим... Так вяло?
 отчего ж? – Ну не **Михоэлс**, чай.
 Ну не переехали машиной.
 Просточеловечка, в иван-чай
 уронив, месили – да с мушиной
 .
 надоедливостью.

Только он!

Поводырь любименький, лошадку
оседлав, по улочкам цок-цок.
В реквизитной крепкой, как вещдок,
бороде листочку кисло-сладко
(квашеную кушали-с капустку).
В треуголке с кабаду-пером.
В боевой шинелке с сквозняком
(в дырочках от пуль: впивались, хрустко
хлюпая, небось, — но ни слезинки
из его всевидящих очей!).
Только б не признали: так, ничей
скачет, не боясь случайной финки.
Не ничей — а нашенский! роднуля!
Нас стоять пригнали. Мы стоим
вдоль его путей. К двоим-троим
бросились сотрудники. Уснули
двое-трое тут же, под ногами
замерших окрест его путей.
Виноваты — сами: Прометей
скачет, не тянись, не любит. Сами
обниматься кинулись — и сами
пали, вдруг уснув. Уставь глаза,
заливай их счастьем, ни аза
не смекая, отирай власами
слёзы испугленья, и ни звука,
лишь скулёж собачий допустим.
Вот и весь устав: стоим, прудим
в треники умильно. Близоруко.

Приёмный покой

Моль прислонилась всем телом к уснувшему, чтобы
ночь, одиночество, снулую шубу в шкафу
тёплым заесть, зажевать жизнерадостным, «фу!»
в кои-то веки не слыша, грозящего топа

·
не опасаясь и в ступор от близкого хлопа
не выпадая (он равен изнывшей в шкафу
детской истасканной шубе, которую тьфу:
пульс никакой, а во рту, уж на что меднолоба,

·
мёртвая шубная кровь и зубовная злоба
на затверделого кролика [или песца?]
вплоть до обломков родимых резцов, подлеща
не перерезавших, хрустнувших, опа — и оба

·
надорвались, промотались и кончились). Оба,
спящий и моль, погрузились в приёмный покой:
моль, проев китель, нашла упоенье в морской
складке на тельнике спящего и до захлёба

·
грызла её, а проев её, в грудь к губошлёпу
нервно вошла — непокойно ей было за сон:
слишком спокойный, и — стыла еда в унисон
времени-месту: исходу, картонному гробу.

Младенчики

Немецкий – штука, и родимых – тройка.
 Младенчики! А рядом – молоток.
 Ну или лужа. Или – новостройка,
 которую продуло: приволок
 в которую младенчика – и ухнул
 младенчика с такого этажа,
 который выше третьего: не муха,
 без крылышек, не станет реять. «Ша,
 не ржать, смешного мало. – И не бросил,
 но выпустил. Но только не в сугроб.
 Не на́ голову снежной бабе, ко́зел, –
 на арматурный прут, в гелиотроп
 сокрывшийся, но всё-таки торчащий. –
 Оттрепыхался, маленький. Прощай».

С кого начать? И начинать ли? В чаще
 двуногих волком выть и невзначай
 смеяться возле стенки, коль осечка
 случилась не у олуха – у всей
 расстрельной кодлы «Коммунарки»? (Свечка
 ещё мерцает, что же ты, глазей
 на них и заливайся... нет, хихикай...)
 Не лучше ль волком быть, чтоб им не выть?..
 А матери – при крошках, подле? Лики
 иконны их? во всю ли ласки прить
 тетёшкают младенчиков? А книга
 сочувствий и рыданий рядом, нет?

Исупов

Прикончив, настрочить косноязыко
стишок, стишок! пронзительный куплет!..

.
Топить ли падлу Адика? Иль в попку
поцеловать, – и пусть оно взрастёт
и, если нет «Циклона», будет в топке
сжигать людей годами напролёт?

Зонт

Мы лазили на крышу, чтобы петь.
А некий лейтенант ходил по кромке.
Он мало пел, он больше пил, но медь

его подпевок затемняла ломкий
звук тишины: мы вторили в ночи
её устройству из любви и жути,

а этот лейтенант, чьи кирзачи
оттапывали край, и знать о сути
коленец наших не хотел: орал,

он был марал, которому светила
олéниха, а не луна, вокал
не унимал, и глупые перила,

перильца по колено на краю,
его не унимали — горячили.

И о зонте подумали мы, чью

мышиную летучесть — да при штиле —
как не проверить на: он не рояль,
наш лейтенант, мы медными губами

подуем кáк, он как слетит, как вдаль
умчится, как на поле с тремьятами
серпами, убирающими злак,

Исупов

красиво упадёт под крики: «Боже, мы лётчика изрезали...» Вот как был всучен зонт, как голосить негоже.

Припев:

Как лейтенанта звали? — Лейтенант.
А на каком плече был аксельбант? —
Ах, не на том; был, не на том, увы.
А дом высок? — Повыше головы.

Просто так

Шёл куда-то, думая о чём-то.
 Вышел, чтобы быть, а там как знать.
 Счёт шагам не вёл, шёл без учёта
 расстоянья. То ли кочевать
 в Б из А, из Б куда угодно
 загорелось, то ли мерно пёр
 против хода (человек как кодро
 против всех идёт себе враспор,
 цыкая на вскидчивых: «Чего ты,
 сука, что ли, в ботах, чтоб взывать?»
 И тельняшку рвёт, и ртом до рвоты
 влаивает, если тишь-и-гладь
 кто-то нарушает, дерзко кто-то
 смотрит и сжимает кулаки).

Шёл, увидел Uber, и охота
 пробрала кататься. Отбеги
 я тогда от Uber'a, и Uber
 был бы огурцом. Но нет, я сел,
 сзади сел. Катались. Было супер:
 «Вам куда?» — «Мне в Серпухов. В Брюссель
 ты же не поедешь?» — «Не сумею». —
 «Сам откуда?» — «Сам из Душанбе». —
 «Это где?» — «Где яблоки спелее».
 «Повезло с антоновкой тебе».
 До реки доехали. «Красиво». —
 «Очень». И руками задушил.
 Uber — в воду. Около — две ивы.
 Описать их прелести нет сил.

Исупов

Расцветут непременно

На пожаре греться и цвести!
Греться с милой, а цвести лохматым
ёлкам Рождества, коль впереди
только палки: в палки жёсткий атом
превращает и сосну, и ель.
Праздник – скоро, ель, не канитель;

.
чинное растение сосна,
не тяни и ты; в пожарищ пору
изукрасьтесь шишками. Хана
пепла и зимы близка; сыр-бору
быть неописуемому. Ель,
твои шишки, наша – канитель.

.
Пламенá щедры и ждут шары;
яры пламена, их скрасят шишки.
Шишки ваши, наши – как костры
красные шары (одной малышке
не нужны уже, малышки мрут, –
атом юрок и, как мўка, крут).

.
Ну же, ну же! Выпьем всё вино
и, переплеться, под ёлкой ляжем
ждать конца с хорошей. Вот смешно
будет: ждём конца на сущем пляже:
в Рождество, под ёлкой – но в жару!
Не тянуть! Уснуть бы поутру.

Докуриться

Докурить свою – и докуриться
до осколков, чертящих круги
над двумя не фрицами (о фрицах
думаем, чего там, вполщеки
улыбаясь: чёткие ребята) –
над двумя ваньками. Я – Витёк,
Колька подле; пацаны, помяты,
пыхаем на кортах поперёк
горла зависающим гранатам, –
у гранат промашки и раздрай
(нету мяса, мясо в неженатом
трупe снизу трупа, поверх стай
трупов неженатых, слишком юных,
чтобы бабу брать и с ней идти
по, от страха крючится в лакунах
холостых останков), и, поди,
на своём собачатся: «Где эти?!»
Эти – тут. Сидим на кортах и
курим. Днепр чуден. Солнце светит.
Хорошо! А к прочему глухи.
Курим. Наконец осколком Кольке
голову срезает. Докурить
курево его считаю долгом:
«Колька, докурю?» – «Конечно, Вить».

Исупов

Опечатка

У шашистов розовые лица
отрастают в морды, в коих в улей,
согрешивший волей и с девицей
пришлой, нос засунувшей, дав пулей
всё ей, о чём чаяла, без боли,
можно лезть и боль терпеть и трепет.
Встрянут в пули — ляпнут: «Укололи».
А бозе-частицу коли встретят,
зарегочут: «Кулаком больнее».
Пули, впрочем, дуры пребольшие.
А фонарь с верёвкой на аллее
Муравьёва — умницы. А выи
так в ней и на них ярки́ и кстати.
Не прощать им, как бы ни рыдали.
Жалость — невозможна: наши тати —
из гестапо, а не из морали.

Ну же, чувак

Господи, то самое дыханье,
Господи, ту самую мочу,
лужу чью к стене приколочу,
в рамку взяв: пускай по-обезьяньи
тычут в неё пальцем, на язык
пробуют нечаянный кирдык

.
живопыра. Дай, будь добр, скорее.
Принеси, ага. Чувак, прошу,
как ты просишь нас с себя паршу
соскрести (а мы... скорей на рее
вывесим себя, седея, чем...
То есть на сукú, – висящий нем,

.
спроса с него ноль, засим отстаньте).
А не дашь – уж не прощу тебе,
как ты не прощаешь нам ни бе
ни кукареку толстовской ганди:
сотворить дыханье в луже под
не умеем. Ну как зашибёт?..

Исупов

ОК?

Смерть, умышленная дрянь,
нам подстрой, а их не трогай.
Напросились – мы, убогой
головой умыслив рань

.
не такую, а с притопом
четвертичных в берцах лап
по чужине, крови крап
расфутболивая скопом,

.
всей ордой в вагон штыков
и телегу сучьих финок.
Татарвой пугают финнов,
татарва ж, чужих вспоров,

.
опускает их в колодцы
в вёдрах, – у чужих во рту
сухость с кровью наряду;
напоить их – приколоться...

.
Где шальной залётный бомбер?
Смерть, шальной залётный – где?
Площадь Красную в чреде
башен выжечь (только б помер).

.
В эти траурные дни
обязуюсь веселиться:
спать на кране с крановщицей
в эти дни твоей резни.

НИИ тупых

14 октября*

Вот и зима. Ты хотела её? – Получи.
Я расписался в её получении мёдом.

Снежная дева застыла под дверью. Грачи падали колом с налётом обиды. Их йодом смазал сначала, сначала спросив их: «Чего?» «А ничего, – гомонили, – да только вот эта...» – «Снежная дева?» – «Она. На уме баловство у снежной девы одно». – «И завязка сюжета: вы вдруг пикировать стали в октябрьский сугроб». – «О, это да. Но гусиные пёрышки хуже. Хуже гусиные! Наши, когда чернотроп, тоже не очень, но если метелит снаружи, а не внутри, наши экстра. А эта гусей... эта дурында стоит тут с гусями на перья». – «Лучше с грачами на перья?» – «Намного! Милей подписи нами не знаем. Досадно. Под дверью надо дрожать только с нами. Возьми нас, алё!» Снежная дева смеялась-смеялась и в улей чьё-то перо обмакнуть мне дала. И я ó цвете чернил спросил, потому что акулий цвет неуместен, когда получаешь снегá, – бёлый уместен, когда... «Поняла. Это липа. Липовый мёд. Белый-белый. Таким берега Белого моря и то не бывают. Он типа белого мишки, который зимовщиков не: не подъедал на обед, не харчился на ужин.

Исцупов

Пчёлы едят только липу, и липа вчерне
белым пойт их, который ни капли не скушен,
если подписывать им полученье зимы»...
Я расписался в её получении мёдом.

.
Вот и зима. Ты хотела её. Колымы
не умалит тем, кто родом, а не мимолётом.

Любезная*

У любезной гúбы, голос, ноги...
 Многие к её ногам, во фрунт
 вытянувшись, примерялись. Многим,
 слишком многим, этот редкий фрукт —
 её бёдра в море — был по темя.
 Тридцать три (!) богатыря, в бедро
 ей дыша, ушли на дно. Потеря
 велика вельми: мокрым-мокро
 сделалось несносное, но в баках
 Сашкино лицо. Прости, старик.
 По плечо же лёд чертившим в гагах
 бёдра были редко, ибо прыг
 в прорубь пробирает смертью, и на
 бёдра эти малым сим уже
 харкать с колокольни кровью; чинно
 врезать дубаря важней, ниже
 если задралось бельё на бёдрах,
 задралось по пояс. «Ничего.
 Подрастёте, сволочи. — Из бодрых
 громкоколокольцев вещество
 гóлоса любезной богу в уши
 проникает, так до сволочей
 проще достучаться, — неуклюж и́
 слаб их слух повальный — и ничей;
 только так он делается острым —
 и её: они наедине.
 Ост подует, — голос её с остом
 малых поражает. — В пелене

Исупов

шапок сливок, взбитых из тумана,
станете бродить – искать меня.
До плеча, найдя, достать не странно –
вытянетесь, малость хороня.
Не до губ. И на носочках – вряд ли.
И – не дам. Они – для одного».
Я один, и это я, не так ли?
Размечтался малый один о.

Ликуют

В трамвае, которым я езжу
 всё время читают стихи.
 Нет, впрочем, читают надежду.
 Нет, впрочем, «надежда» тут между
 «горюют, задумавшись» и

·
 «нечаянно вслух, но не громко
 твердят, проповедуют и
 в ногах у Него, как соломка,
 валяются, что ли... Он фомку
 не вынул, стал слухом, “прости, —

·
 наверное, шепчет и, — по́лно”».
 Срывается тут с языка
 у всякого всякое. Вольно ль,
 невольно ли, но́ эти во́лны
 надежд и уныний райка

·
 валяют вагон Мандельштамом
 (когда набежит Мандельштам),
 а то к слесарям под «агдамом»,
 учащимся, бабам и дамам
 подсев, подступает к устам

·
 волна Пастернак. Раскачаем
 себя, перепуг поборов:
 ликуют в окне; нескончаем
 фурор, — и вперёд, где за лаем
 холопов не слышно стихов.

Исупов

Страх

Позвонить, устав неметь от страха,
первому попавшемуся в «М».
Пропустить «алё» и Оффенбаха
врезать в трубку («Гофмана»). Затем
трубку положить, услышав: «Глупо.
Обладатель голоса – мертвец.
Ты ошибся, злейший враг, – у трупа
Гофман был воистину. Конец».
Связи? Плакать, молча, в ванной, долго.
Позвонить отборному из «Т».
До «алё» начать о чувстве долга
всхлипывать. В сердцах в «Улан-Удэ»
(«Это город на краю планеты.
Ты в Улан-Удэ попал, никто»)
плюнуть. Плакать, заточить монету,
чтобы полоснуть монетой по
вене, но не городу – сосуду
(своему, того, кто «не узнал», –
всё равно). Сказать: «Сейчас прибуду.
Щас предстану» и медперсонал
слушать в трубке, выроненной страхом:
он, последний в «Я», вдруг заболел:
верно, сердце пуганой птахой
выскочило с дыркой на прострел;
набежала «скорая» (по звукам,
налетели фельдшеры). Опять
в ванной выл неслышно, лишь со стуком
об пол бились слёзки, что с них взять.

Получить (не завтра – в тот же самый день) посылку с нарочным с письмом: «Не бойсь. Харэ. Твой страх упрямый отменён. Я милостив. С умом водкой (посылаю тебе водку), семечками (в фунтик загляни) уж распорядись. Слезу и фотку в “Правде” напечатаем. Твой И.»

Исупов

Юг

Отрезая по кусочку руку
 (ногу – невозможно, ей идти
 вместе с непослушной правой к Югу,
 с ней брат Юг, её нельзя, в пути
 к Югу и на Юг она одна
 может дело сделать), «на, на, на,

.
 на, пожуй», – втолковывал он смело
 рту, в котором расцвела цинга,
 не талант, для этой части тела
 характерный (голосина), а
 вздорный, не ко времени скорбут.
 Густопсовым цветом! И маршрут,

.
 самый невозможный из несносных,
 перевоплощался в Дантов Ад.
 «Ешь, дурында рот. О многих вёснах
 впереди подумай: ублажат,
 если ты поешь и мы дойдём,
 а потом вернёмся. Под дождём,

.
 рот открыв, стоять и пить дождевики
 будем, брат. Глотай же, дурачок».
 Рот в ответ просил блокнот, из крынки
 молока ручей и ручеёк
 изо рта укладывал в строфу.
 «Где ты видел молоко тут? Тьфу.

.
Жри, собака. Хватит корчить ваньку». Псу давал объедки после рта (пса — нельзя, он тёплая лежанка, псу рыдать на полюсе; мечта: Юг осилить, сдохнуть, чтоб на труп, чтобы хлюпать носом, лёг и скуп

.
был слезой собака пёс). «Полярник я или зимовщик?» — он себя поднимал с собаки, и напарник, пёс, вгрызался в локоть, не терпя локтя, ибо локоть некрасив, хуже только ясность перспектив.

Исупов

Или так

Совесьть (это совесьть или так,
угрызенье страха перед бегом
вглубь степи, где некто сидит в некоем
состояньи духа и русак
в некоем петлянии по полю
мутит его мысли до мозоли

.
на глазу и пальце, и не снять
выстрелом спешащего к окопу
невозможно? Следом эти оба
выдыхают: «Всё», чтобы опять
дохнуть на бегу или в траншее,
потянувшись к богу длинношее)

.
так внезапно, неуклюже так
поражает пешего ли, в танке ль:
накрывает смутой, вот уж Врангель
он и в командира из собак,
на смерть рвущих за охоту к жизни,
горестно стреляет. Только стисни.

Больной

«В весьма опасном положеньи
находится больной». Рескрипт.
Рескрипт-рескрипт. «Больной» мишенью
стал, а не пал между харибд
честной чумы и сцилл холеры.
«Больной» слёг с пулей в животе.
К «больному» применили меры:
«больного» трогали везде,
интересуясь, где же пуля.
«Больной» был полумёртв, но смех
«больного» заражал, сутуля,
перегибая вдвое всех,
кто ошивался подле: дико
ржал Арендт, ржал Жуковский, «на́, —
давился смехом Даль, — брусника!
её поклуй! припасена
для хворей с пулей в главной роли!»
Держался за бока Данзас,
когда «больного» не вспороли,
но заголили напоказ
пиявкам, коих попросили
напиться всласть из живота
его кровями. Уж в могиле
был — а хихикал со стыда,
когда в него вгоняли клизму,
и над пиявками трунил:
«Как вам лакается?», к комизму
сведя за ручку смертный пыл.

Исупов

«Больной в опасном положеньи»,
истаивая, хохотал:
«Вот как он с четырёх сажений
убил меня не наповал!»

Son ar chistr*

Когда мы устанем,
когда надоест нам,
когда в первом местном
очнётся беда,

когда по гортаням
сглотнётся однажды
стакан страшной жажды
отплаты, тогда

ножи лягут в руки,
а руки в движенье
придут, порыжеет
от крови земля.

Когда мы в испуге
от грома, всегда так
бывает, остаток
бытья тяжеля.

·
Когда и как только.
А прочее – полька,
а прочее – тройка и яблочный сидр:
течёт, по усам, из небесных клепсидр.

Исупов

Совсем не так, как поезда

Он вышел в море босиком.
 Он босиком по океану
 бродить отправился. Он спяну
 всегда такой: всегда влеком
 водой вокруг, всегда бегом
 из дома: сущую Гвиану

.
 из кляссера достанет — и
 христосоваться: «Я попёрся»,
 и дверью хлопает: «На Морзе
 строчи, Мария. Впереди
 морей изрядно, мне идти
 по океану, он простёрся».

.
 Не напрямик? — Не напрямик.
 Когда бы напрямик — всё проще
 происходило: Он — не мощи
 Его — стучали б дверь в тот миг,
 когда Он памятник воздвиг
 себе морским походом. Тощий!

.
 но возвратился: «Машка, я
 вернулся, здравствуй, что ли, Машка...»
 Какая ж сволочь: нараспашку,
 без валенок уйти в края,
 где, жизни противостоя,
 смерть сквашивает в лёд распашку
 не то что глади — волн размашку.

Портвейн-портвейн*

Желания невнятные, как и сам
замёрзший этой ночью, но не слишком:
в него вцепился лёд, но вдруг дождишко
(не вдруг-снежок) на лавочке телам
помог: прошёл насквозь — и отцепил
от лавочки его, её (подружку).

.
— Со школы! Это мы её, Царь-пушку,
с вот этой молотком! Металл так гнил,
что вот такой кусок при нас отпал!..

.
Кричит, кричит, как будто я не слышу.
Я слышу, слышу...

.
— Думал, это мыши!
А это лёд! Как клещ бойцовый! Жвал
у филы бразилейро не разъять!
Что ж говорить о твёрдой русской влаге!
Я — инженер ракетный! Это — Влади!
Маринка! Мы в любви! Но нас опять —
Марин, как в прошлом годе! — лёд хотел
загрызть! Ракетный, а теперь цепная
собака-пёс! Других таких ломаю!
Не спали чтобы тут! А то от тел
благоуханье в парке! А какой
теперь осенний месяц?.. Неужели!..

Исупов

Я убежал к телам от вермишели
и чая с мёдом, мучаясь строкой,
которая не шла. Я им сказал:
чай, вермишель, котлеты, подождите,
я быстро, я беглец, вы в неолите,
вам очень надо, я читал журнал,
в котором о котлетах для людей,
которых лёд удерживает силой,
так отзывались славно, вам бы с милой
мадам белков, белков бы вам...

.
– Эгей!

неси белки, неси! Нет, не неси!
Портвейн неси! Тащи портвейна сине
не море – окяян! Маринка в мини!
Портвейн-портвейн! Бегом давай! Мерси!

Стакан мух*

Вот мух стакан, вот квёлые круги,
наверченные мухами, ни зги
не видевшими вне ещё пустого
стакана, перевёрнутого снова:

.
вновь мух ловил, они ловились на
окурок под стаканом: тут одна,
нежнейшая из нежных при прощании
наполнилась не лаской — величанием
меня-который-снять-с-неё-труссы-
не-захотел-из-честности (азы
сердечных отношений с той, которой
не станешь выпевать стихи, под Мстёрой
на Мстёрке, под Тарусой на Оке
начёрканные или на руке,
иль на песке, не помню) словесами
(прискорбными, окопными, о маме,
когда о маме гопник-лейтенант,
распространившись, вслед «налейте нам»
кричит гугнивым ртом), и закурила.

.
На губы ей боялись сесть, дурилы,
а на окурок, выпачканный в
помаде распрекрасной, — здоровы.
Но кто им даст... Не дам. Он под стаканом
полёживает, будущим канканом
заманивая мух... Вот так круги
и вертятся, и дохнут мухи, и

Исупов

покойницы сметаются не самым
брезгливым средним пальцем с грустным шрамом
(его пришили от чужой руки:
напились — и пришили, дураки)
в стакан. Куда ж ещё, как не в гранёный.
Ушедшая в трусах звалась Алёной.

Хрясть (из Вырыпаева)*

Земляк Санёк... Санёк – земляк, горжусь.
 (Читатель ждёт уж горькой рифмы «Русь»,
 а вот и нет, есть рифма много горше:
 есть «Серпухов», вот рифма, вот, допёрши,
 где ты сейчас, на чьей платформе ноги
 протягивая, поминая логи
 глубинные лесные, мелешь что́:
 «Пожалуйста, подайте решето,

.
 я выйду в море... Серпухов! Опять.
 Я, мама, вышел, мама, погулять
 и снова, мама, оказался в этом
 заветном месте, мама, я завещаю
 не появляться тут не верен, мама...»
 И на карачки. И от ресторана
 вокзального подальше. Всюду жисть.
 В особенности в Серпухове». Хлысть.

.
 Какое «хлысть»? «хлысть» – вряд ли, «хлысть» – не то.
 Скорее «хрясть», пусть будет «хрясть». В манто
 жена Санька бродила в огороде,
 в манто, но вороная (при народе
 стесняюсь описать её расцветку...
 такой бывает чёрная салфетка...
 ну ОК: как разбиенье Дирихле).
 Не рыжая, не голая, в земле

Исупов

копается, обрыдла. И Санёк
перерубил лопатой стебелёк
её судьбы на две простые части:
жила-была – и нет её, не застит
свет корнеплодам больше. Чтобы с рыжей
одной теперь зажить под общей крышей.
А эту под свекольную ботву.
«А если вдруг взойдёт – пооторву».

Иногда плачет

Обнимет вдруг, – хоть выжимай плечо,
хоть щёку выжимай, мокры и днями,
особенно ночами, стонут ó
и на верёвку просятся с ручьями
с постиранного сохнуть и с ума

.
не торопясь сходить. Она нема
была, как галька: мокрыми глазами
сверкала и отмалчивалась, á
«так, ни о чём» и слёзки с хохотками
«всё будет хорошо» – сама беда

.
накручивания себя. Ну да,
ревела, а теперь хохочет в голос,
и часа не прошло. Но вот плечо,
но вот щека, её щетинный волос...
они не сохнут – и им горячо.

Исупов

2-е Петра 3:10*

Вино пролить — и уронить слова
о том, что подступало, подступало —
и наступило: лужа эта а́ла,
я трезв, вон те трезвы, вон та трезва,

.
весна (вот-вот), забыли глупый стол
снести из-под китайки на веранду
(но лучше было б в дом забыть), «Атанде, —
сосед кричит (кому?), — ты пьёшь чистоль»,

.
а (кто?) ему: «Подумаешь, чистоль», —
и, верно, выпивает, чтобы фразу
в **корнете** отыскать и выдуть сразу
за смелыми глотками, чтобы вдоль

.
скрипучей половицы сразу лечь
(зорю́ слабáл? не, это похоронный...),
уснувшей в небе белою вороной
очароваться (или же картечь

.
грача́ нашла? дырявый, а парит!..),
поцеловать любую на проспекте
(и пусть сломают нос менты в аффекте,
они его потóм свернут!), навзрыд

.
писать о феврале, — в последний раз.
Всё это происходит и случится —

в последний раз. Небытия крупица
уже зачата, проросла и нас

.
уже готова начисто подъесть:
уж ручки протянула к чемодану,
чтоб форте отмочить, чтобы в пиано
орал блатняк ковыль. (Благая весть.)

Исупов

Их души*

Лист ещё не пал, а эти пали.
Лист ещё летит, а эти в сале
ледяном увязли, а их души
рядом кружат, опекая туши...
тушки юных, смирных, непутёвых,
взрывом остановленных. В их зёвах –
снежура: она и держит в топи;
если б не она, на чернотропе
вороны толклись собачьей сворой:
вороны уснувших в белокорой
речке, ковыляющей оврагом,
уж поворотили б вздутых лаком
лиц к себе и за глаза служивых
распустили б клювы. Но пожива
недвижима, в воду её очи
с любопытством смотрятся, мороча
души: душам кажется, глазищи
пялятся, а значит им в Мытищи,
в глухомань, к Спасителю, в деревню
рано ещё сматываться с (древне)
русским гореваньем «так уж вышло», –
глазёнки раскрытые не дышло...
Вот бы косяком всем на юга:
«На юга, ага?» – «Ага, ага!»

По окорочка

Милость к дуракам есть милость к падшим.

Мама не рожала дурака,
ей хотелось подлого: сам маршем
не пойдёт, других заставит, а
сам, собака ушлая, в обозе
будет потешаться и толстеть...

Рос урлой, рос понятым, разросся
до сексота. Уж виднелась плеть:
плеть в его руках по чьим-то лицам
ходит ходуном, не устаёт...

Но дурак же: надышался фрицем,
не блюёт — но верит, — и вперёд.

И вперёд походным маршем. Знамя
не в чужих конечностях — в его.

Впереди «вперёд!» — горланит. Маме
стыдно за него. Но ничего:
только ножки — знамя невредимо —
оторвало по окорочка
деточке её (а нет бы мимо).
Приголубьте, что ли, дурачка.

Исупов

Бледный конь*

Бледный конь врывается в Москву.
 В прыти конь, и эта прыть не ранит —
 уязвляет до смерти, и брани
 никакой не надо: наяву
 видевший в прицел карьер стрелок
 сходит в чёрный сон без задних ног.

.
 С крыши упадет. Сколько ж крыш
 обжито ружейными стволами...
 На Смоленской снайперы телами
 кроют тротуар. Не всякий рыж,
 но любой нацеливался зря:
 бледен конь, а ты, ружьё востря,

.
 становился поперёк пути...
 На Арбате бледные танкисты
 изглумились: залпами лучисто
 изодрать галоп хотели, — и
 тоже впали в смерть: увидел — и
 больше нет тебя (а не смотри,

.
 думая плохое о коне.
 На коня смотри, как на спасенье:
 бледный конь — везение, Успенье,
 карнавал горою, Клод Моне,
 танцы в Александровском саду,
 смех любимых, слышный за версту).

.
Бьёт с носка Москва: живым щитом.
К Красной пригнала Ванюш, Наташек,
первоклашек: разве первоклашек
конь потопчет?.. В Спасскую верхом
залетают «Лошадь-Прокати!»:
бледный, в серпантине, конфетти,
.
всех катает, только захоти.

Исупов

Дона Анна

Простите и прощайте, Дона Анна.
Вы мёрзли на окне, вы были всем
для тех, кто под окном стоял, что странно:
я вас из нежной книжки не за тем
увёл, не дрогнув, даже улыбался
во весь боксёрский выщербленный рот:
хотелось по ночам вертеться в вальсе,
вас задушив в объятьях; пол натрёт
босые ноги, — я и не замечу.
Вот как хотелось. Ну а вы, а вы,
желтофиоль Бориса, нет вас едче:
«Воды подай, и не́ из головы —
из крана, сочинитель складных песен».
Воды вам, водохлёбке, и тотчас,
и больше ничего; не интересен,
свободен, сам танцуй... Так я погряз
в нелепой мести: форточку открою,
поклонникам дурное проору,
которых снова больше втрое («втрое»
не красное словцо), и ввечеру
распахиваю форточку, метели
давая выстужать желтофиоль,
чтоб эти заливались, ибо млели:
«Простудится же! Эй, закрыть изволь!»
Не закрывал. Дрожала. Доной Анной,
а не созданием милым называл,
желтушником садовым, обуянной
истомой передка́, как медь, кинвал

как, лаял на неё, досадой взятый.
Теперь она не цвет – пустой горшок.
Самообман представился утратой.
Полита спиртом. Иначе не мог.

Исупов

Опять уплыл

Мимо проплывает трупный друг.
Я ужу из лодки, мне полезно
в реку убираться. В реку влезло
всякое сегодня: *тот*, каюк

.
чей настал вчера, и это друг
(больно уж лицо его знакомо
и несчастно — от того монгола,
что не стал стрелять, ещё канюк

.
плюнул в недотыку и попал
с высоты в версты, небось, четыре;
снял шинель, пока не поостыли
мёртвые в шинелях, и вразвал —

.
лошади у них, как с печки бряк, —
умотал в Орду; свои, наверно,
застрелили в спину, это скверна —
покидать позиции; дурак:

.
тут он всё, и мы его коню
лижем там, где ни одна собака
не способна так лизать, однако
умотал в Орду, за что ценю:

.
там он наш, а тут он наш супруг,
стало быть, законная добыча,
стало быть, в ночи заточкой тыча
в печень оккупанта, недосуг

.
было б ныть: «Я так тебя люблю»;
молодец, что смылся, что убили),
я на лодке, веские *промилле*
красного во мне (я «улюлю», —

.
на ухо шепчу ещё одной
следующей мимо мертвечине;
трезвым не посмел бы), весь в морщине
спеси на мордасове рысцой

.
(ибо кролем) наглый *прах врага*
(глаз не сводит, на губах ухмылка;
«улюлю» тебе, кусок обмылка),
сине-небо в окской глади (мга

.
унеслась, как только я уплыл
далеко, далёко так, что небо
стало небом в полдень под **Денебом**:
рассиялось на пределе сил),

.
одеревенелый *поплавок*
(нельмы нет, в Оке какая нельма, —
никакой; уж осень, окунь бельма
пучит внутрь себя: он перевозмог

.
лето и готовится ко сну,
не тая, что буду ему сниться
в ящике). Как вытянутся лица,
если я опять не утону.

Исупов

Что-то квантовое

Дано: его, её заносит врозь
 в тот коробок, в котором спали спички,
 потом жил жук светляк, светивший сквозь
 шесть месяцев, когда твои реснички
 нахохлились: «Итак, жука не стало». —
 А коробок лучился, и накала

.
 его хватало, чтобы отыскать
 в пустом родном пространстве горемыку,
 заблудшего, идущего на рать,
 но нету человека, в холодрыгу
 готового, светя, искать, не стало
 таких людей, и в коробке вокала

.
 хватало — в нём сверчок завёлся, — а
 светимость как подкошенная пала.
 Подружка пионеров темнота
 настала, обступила, и, бывало,
 я сам хотел потрогать эту тьму:
 а вдруг в ней та, с которой пропаду.

.
 И вот в него и к ней прибились врозь
 сначала он, она затем. *Задача:*
 друг дружку отыскав, чудак, чудачка
 должны попасть, пропасть без «поматрость
 и брось её/его», с ума сойти
 ещё на полпути друг к другу и́

губами отыскать чужие губы.
И – будь что будет. Вдруг он не хана.
Что если отдана не душегубу.
Несбыточное что-то вдруг она.

Исупов

Ривка, Мрія

Имена; у них есть имена.
Выбраны для превращения в сажу
улицами (где была слышна:
распевала — и смеялась: «Глажу.
Глажу, увлекаюсь и под нос
напеваю. Вот вы и проснулись»),
отчими домами (на износ,
в пару окон; окна, соревнуйся,
кто первой молочное дитя,
высветлив, умоем первым светом,
к солнцу устремлялись; очертя
голову звезда зимой и летом
целовала каждое дитя,
но сначала новое дитяти),
семьями (где семь ребят спустя
время превращались в восемь: нате,
только не засовывайте в печь).
Тот, кто их снимал на фотоплѐнку,
их потом сжигал (безвестных жечь —
это не расспрашивать вдогонку
имена: «У вас есть имена?»),
от испуга после ставил к стенке
(убивать, когда идёт война, —
это не совать попеременно
руку в трупы в поисках имён).
«Мать и дочь, и обе, слышишь, Ривки.
Мрии с дочкой мы». — Не слышит он
человечью гарь, людей обрывки.

Возникают

В ноябре на осинах вдруг гнёзда
возникают (должно быть, вороны;
а ворон-то и нет уж: предсонье
их согнало в края алконоста,
то ли в райский Ташкент, где нет моря,
то ли в яблонный лес на Босфоре,
где с Ташкентом проблемы, но просто:
не стреляет ворон император:
недотыкомки нет – спущен в ватер, –
нет ворон, а осины в наростах
преогромных гнездовий пернатых),
возникают трусы́ в нудноватых
атмосферных разводах, в погостах
голых крон возникает вещица
с женских ножек: чулки (приобщиться
к ним хотели б дубы, но в норд-остах
пребывают дубы, а чулочки
с этим ветром враждуют, и точки
женских штучек, по небу бесхвосто
отпорхав, возникают на липах –
и полощут), негаданно в глыбах
на ветвях узнаём книжку **Фроста**
(слившись с ветром и снегом, возникла;
к ней прибило рацею **Перикла**, –
вот и ком на ветвях), так же просто
возникают покойники: с веток
вдруг свисают – нечаянно этот
(но с приветом) дорóгой, из мая
продираясь в ноябрь, возникая.

Исцупов

БЫТЬ СО СВОИМ СКОТОМ*

Я знал свиней, которым не был ровней.
 Они меня лелеяли в хлеву.
 За ухом почесав, кривились: «Фу.
 Двуногий, ты бы вымылся. Духовней,
 став чище, станешь: станешь к Рождеству

.
 таскать в двуногий хлев халву, прикончив
 кого-нибудь с грудастым кошельком
 на Мойке в подворотне». К горлу ком
 от счастья подступал. Но я уклончив —
 был дураком — был: бил, упав ничком,

.
 поклоны, а мечтал об их свинине.
 И целовали пяточками в рот:
 о двух ногах, нечистый, идиот
 из хлева, а хавроньи объяснили,
 как будто я им ровня: нет щедрот —

.
 есть только взять своё, — и смачно в губы...
 И, душ приняв, я намотал на ус.
 Потом давался диву: за картуз —
 да не зарезать! Впрочем, душегубы:
 сказали б раньше; вот свиная гус.

Ку (позади Москва)*

Москва, как всегда, позади,
Москва на виду и минутой
живёт. Удавить её смутой
не просто: корóтки культы
у отчих смутьянов (УО
согласно историям хворей).
Москву, по долинам со взгорий
прокравшись, штыками в кольцо,
взять проще, чем горсткой УО
(которых собаками лечат:
собаки им лапы на плечи
кладут и в глаза их остро
таращатся, и, коли взор
смутьяна халатен и мутен,
выгуливать — мóжно, шпицрутен
лишь нужен: шпицрутен узор
оставит — не бог поводок;
а также: смутьянов потери
прискорбных размеров: теперь их
треть горстки, один, — кипяток
однажды сорвался с плиты...).

Вот бруствер надёжен: упрячет
Москву бесподобно, что значит
«час прóбил, пора»: я и ты
укроем же суку Москву!
Мы — вещи из мяса, товарищ!
Свой шёлковый *опа подаришь
улусу для бруствера? Ку.

Исупов

И и А (Дементьев)*

Так и не смог стать слесарем,
не стал и стукачом.

Хотя однажды к кесарю
пришёл. И калачом

.
свернулся в его аленьких
зализанных ногах.

И бился в глоссолалии:
«Пожалуйста, бабах,

.
поставив меня к стеночке,
произведите, á?»

И в суповой тарелочке
врагов подал, жена

.
среди которых — самая
заклятая. И ямб
навета, ножки лапая,
ввиду электроламп,

.
до истины высвечивать
умеющих, пятнал:
«Вот в “Кратком курсе” нечего
честить, — он всех похвал

.
превыше! ямб особенно!
а уж его хорей!..»

А дома вдруг сподобило
не стыдно, но храбрей

.

спастись: с балкона со́ страху
над давешним собой
упал и аки посуху
шатается по воздуху,

.

поди возьми стрельбой.

Исупов

Стул он

Вещь двабойца, поделка без колёс
для иссечения саблей лап и морды
любимым командиром, для когорты
«Да, гунны мы», шагающей без слёз

.
на минные поля, изрёк: «Я стул».
В чужой степи выл ветер, в рот влетали
осколки и ошмётки, вежеталей
молекулы и мухи с тех, кто ткнул

.
(уже или заранее) себя
беспрекословной мордой в чернозёмы.
Не время и не место, но, несомый
красивым словом, вещь увлёкся: «Я?

.
Я без колёс, на ножках, значит — стул.
Нормальный стул. А может, даже кресло.
Нормальное такое». В нём воскресло
неведомое: вместо «караул,

.
хватай меня» «И вот уже партер! —
он закричал. — Хватило б только кресел!»
Любимый командир был мёртв, но весел:
«Какой ты стул, когда ты бэтээр!»

Ах, Франсуаза

Когда я не расслышанным «кем-кем»,
а сволочью, которая сбежала,
когда я «каракумов» переем,
вдруг делаюсь, она, которой мало
такое отколоть (ну вот зачем
она всегда приносит «каракумы»!),
расклеивает всюду БОБИК, НЕМ,
НО СЛЫШИТ НЕ СЛОВА, ТАК ВАШИ ДУМЫ,
КОГДА ВЫ НЕ ГОВНО, А ЧЕЛОВЕК,
ГОТОВЫ ТО ЕСТЬ ПОМОГАТЬ СОБАКЕ,
ПУСТИЛСЯ НАУТЁК. ПОРОДЫ «ЭК
НЕ ПОВЕЗЛО МНЕ, УБЕГАЕТ», В ШАГЕ
ПРЕДПОЧИТАЯ РЫСЬ. ДОСТИГ УЖЕ,
НАВЕРНОЕ, КРАЁВ СТОЛЬ ОТДАЛЁННЫХ,
ЧТО И ИСКАТЬ НЕЛЕПО, НО В ДУШЕ,
ОДНАКО Ж, Я НАДЕЮСЬ... ВДРУГ В ГУЛЁНАХ
ПСАХ РАЗГЛЯДИТЕ ПЁСИКА МОВО,
ХОТЯ ОН КАБЫСДОХ, ДУРАК, ЗАРАЗА,
КОНФЕКТ, ОБЪЕВШИСЬ, СМЫЛСЯ. НИЧЕГО,
СОБАЧЕНЬКА, НАЙДЁШЬСЯ – ФРАНСУАЗА
ТЕБЯ ПРИГРЕЕТ. ТЫ Ж НЕ НАСОВСЕМ?
ДАВАЙ НЕ НАСОВСЕМ, А? ПОМОГИТЕ.
ЛЕТ ДВАДЦАТИ. МНЕ ДО ПЛЕЧА. ЛЕТ В СЕМЬ
ПОПАЛ ПОД РЕЛЬСЫ В СТОЛЬ ЖЕ ШАЛОМ ВИДЕ,
КРЮШОНУ ПЕРЕБРАВ. ЗОВУТ ЧУДНО:
ЧУДЕСНЫМ СТАРОДАВНИМ ФИО ШАРИК.
МОГ СЕСТЬ В ТРАМВАЙ, КОГДА ПОСУЛЕНО
ДО ОТДАЛЕНИЙ, КОИ И ОЧКАРИК

Исупов

НЕ РАЗГЛЯДИТ, ДОМЧАТЬ. ОПЛАТА – Я.
Ах, Франсуаза... Я у магазинов
разыгрываю брошенку, роя
людей, купивших сетку апельсинов.

.
Даёшь не «каракумы» – апельсины!

Бомба и дети*

Клава — рашпиль: горбит днём и ночью.

Клава — мастер водородных бомб:

Клава воробьиной ночью в ключья
рвёт себя, давая план. А ромб

под трусами рвёт такой же ночью,
но варфоломеевской, детей
делая с одним со всею мочью.

Дело в сменах: смены всё лютей
в наше время: то была четвёртой,

а потом вновь первая, но спать

с тем, кто под рукой, а не аорту

полнит страстью, будущая мать

не должна — обязана. У Клавы

принципы служенья на износ.

Все на фронте, — не шалава, Клава

многожильна: с неким, кто тверёз

не бывает вовсе, смертным боем

Клаву бьёт и, ах, пришёл с войны

безголовым, с боевым настроем

мастерит детишек, чугуны

будто выдаёт для самолётов,

норму — стыдно, надо б штуки три,

и — работать бомбу, отработав

с безголовым смену, ведь кюри

ждать не будут, рыпается, смена.

Бомба удаётся — и мертвит

жизнь на славу. Дети по колено

Клаве отрастают. Замполит

Исупов

вскоре по их трогательной просьбе
в них стреляет, ибо «жизнь — тоска:
нет качелей! всё в фонащей прозе!
Дядь, а, дядь, убей наверняка».

Каждый второй и каждый первый*

Мила так мила, что мимо
не проходит ни один:
мíнет полк неистощимый,
тронув Милу за сто длин
её трогательной стати,
стройной до того, что полк
не пройдёт, не тронув. Кстати,
Мила выбелилась: шёлк
буклей Милы нынче белый,
Мила выкрасилась в
фройляйн кипенную: сделай
полк иначе — и мертвы
были б многие мальчишки,
Милу трогавшие за.
Полполка бралась за стрижку, —
и залапана краса:
руки мальчиков кровавы, —
стала красной белизна
головы, которой пава
Мила не обделена.

Никак нет: не тронуть Милу
новый цвет её волос
не сумел, — перепилила
встреча с ратью вперекос,
пополам малину Милы.
Кем она была допрежь? —

Исупов

Рамы мыла и ломила
по две смены, чтобы «Ешь, —
уговаривать ухмылку
отраженья в луже слёз. —
Заслужила. Мыла пылко.
Гавриил опять развёз»
(убиралась на Лубянке).
А теперь вот сорвалась —
и к полку прибилась, к пьянке
смерти. Скажете, что мразь?
Не, не это слово: трупы
убирает. А живым,
дав ему, растаяв, грубо
вертит: «Вместе убежим».

И второй (обычно каждый
пусть не первый, но второй),
мучимый законной жаждой
выжить, покидает строй.
Жаль, не первый — ибо первый
поутру иль ввечеру
погибает, ибо нервы
не выдерживают ú:
полюбив сержанта Милу,
он бежит, крича: «Ура»,
не домой, а в бой. «Дурила...
глупый... милый, не туда!»

Бяша*

Раздеваться – это про Инессу;
у Инессы это... нет, не пунктик –
надобность: Инессе до зарезу
надо, чтобы даже на лагпункте,
даже в музыкальной (или танцев)
школе рисовали тело девы,
рисовать умели (среди таманцев
или кантемировцев, распевы
чьи грубы, отрывисты, про танки, –
всё равно, не важно, только б было
на картине тело, а на ранки
и нарывы от досмотра быдлом
наплевать с высокой колокольни,
только бы искусным было тело).
«Эй, Инесса, оголись, исполни
даму без камелий!» Нет модели
лучше, чем Инесса (сам да Винчи
обожал Инессу пуще чащи;
Мона есть Инесса). Только нынче
где да Винчи? – Кончились. Тем вяще
боль Инессы. «Живопись не наше!»
Отменили живопись. «А наше –
это кровь, погром, убийство! Бяша!
Цоб-цобе, Инесска! Или в хаше
хочешь оказаться? Будешь шляться
с фронтовым стриптизом по окопам.
Раздеваться будешь! Наши чадцы
стосковались по искусным *опам».

Исупов

Крылья не мешают

Гавриил, профессор жгучих щей
(не свинца, свинец уже не плавят),
доктор философии траншей
(«не прирезал деточку – не вправе
дальше постигать предмет «Конец»,
постигай гниение в окопе,
где любой – помеха и телец:
если не заклал его в галопе
на чужой окоп, пырнув штыком
в грудь, не в спину, – заложил сексоту
на́ ухо при встрече в расписном
хохломском сортире для комроты;
все комроты – из НКВД,
на́ши все комроты, все сексоты.
Деточку прирезать – как в биде
высморгаться, те ещё высоты:
вышел на Лубянку, чью-то мать
приглядел: лучится и с коляской, –
и ТОГО; а станет выступать –
и её ТОГО; а неувязка
буде приключится: дурачок,
проходивший мимо, вякнет подлость, –
и его ТОГО, а за молчок –
похвали прохожего и в область
сердца просто так три раза ткни.
Сделал так – давай сюда зачётку:
вот тебе “пять с плюсом”. Визготни
мамы и младенца стоит чётко

сданный курс “Конец”, ученички?»),
смерть преподаёт в подвале-втузе:
«Нож есть финка, только финка», и
крылья не мешают, не конфузят.

Исупов

Потерялась и

Она должна была прикончить дом,
в котором развелось по крышу крошек:
одних младенцев (это те, что «ком, —
кричат, увидев мать, — из манки, ложек
на семь, заклинил горло! Молока
скорее нацеди, о грудь мамаш») —
этаж и мезонин горластых, а
которым завтра в школу (а плюмажи
ещё не напомажены и, коль
вдруг ливанёт, промокнут, как ботинки,
в которых в гроб кладут), — из ниотколь
на пару школ повыросло. Ей в цинки
наказано сгрести весь этот дом,
упаковать в коробочки, в которых
зароют всех, не глядя (в нежилом
пространстве гроба лишь ошмётков ворох
и чистенькая в клеточку тетрадь;
тетрадки не видали?). Но ракета
не на того напала — и плутать,
бездомно шастать над домами где-то
не там, пошла. За что ей в Хохломе
медалями весь корпус расписали?
Подгадила. «Ты где сейчас?» — Ни ме.
Не завалила дом. Верни медали.
Ей приказали, а она... Она
лишь над Кремлём — замешкалась смекалка —
очнулась. Но, уже занесена,
свалила весь. Кутафью очень жалко.

Просто умеет

«Новый снег есть набросок собрания редких кривых...»

.
Проповедуя снег, привела меня в чистое поле — и воробышком вспархивать в снежной, белее былых малахитовых трав, полосе принялась, «на любое, — щебеча, — пожеланье согласна, исполню. Следы! Ты к каким расположен? Разуться? змеиться?» Летела всякий раз ещё дальше — на новое место. «Как?! Ты удивлён? Ты не знал?» И петляла, вертелась... Как бёло было подле извивов, собрания редких кривых... Я не верил в воробышка. Я изучал его петли. Я пичугу исщупал — но перьев, хотя б рулевых, не нашёл. Хохотала: «Я просто умею. Не медли, уж поверь, а не то...» Хохотала: «Всего один раз снег бывает в году. То, что после, — привычка и скука. Оттого мало нас». Хохотала, меняя окрас:

.
«А теперь я, беяк, истопчу за излукой излуку».

Исцупов

Же за царя

А если выпить и пойти
не так, как Сашка, а иначе:
без высших сил в себе и плача
по лучшей жизни впереди?

.
Дурацких встречных бередя
дурацкой присказкой: «Мне голос
был о царе, и вылез волос
ночь нерешимости спустя,
а как пошёл, опять попёр»
(«См., православные, на темя». —
И шапкой оземь, и со всеми
пушок пощупавшими — в ор
о благодетеле царе,
«даёшь царя», и всё такое.)
И телеграф взять с ходу с боем.
И в телеграммах рёв горé
воздеть: «Адольфыча — в цари!»
И почту взять, и письма счастья
по-над девятой суши частью
рассыпать с манной: «Брат, смотри,
как будет славно со царём:
многострелковыми полками
войдём с шрапнелью, шомполами
в любую Джорджию. Умрём
же за царя, который даст
им шомполов, а нам чужбину

раскрасть и баб их половину
увесть в полон! Такому бразд
не дать — измена! За царя
в коричневой рубашке, с щёткой
(зубной) усов!» С такой чесоткой —
да не дойти до алтаря?..

И лишь на Лобном стать собой
и звонко выхаркать с трибуны:
«Он голый, приглядитесь, гунны» —
чтоб быть непонятым толпой.

Усов

Харю мяли*

Гадают, когда вымрет: *никогда*.

.
 Гадают, не на месте ли уложит
 один другого, если (скукота)
 просадит в «дурака» судьбу (расхоже):
 на нём — или потом, когда дурак,
 ну, или победитель, удивится
 тому, что не аукнулось: ни рак
 не съел, ни враг (какой же он тупица)
 до сей поры не ткнул его ножом,
 хотя это в законе подворотни:
 зарезать в подворотне всемером —
 да одного: *на всё пути господни*.

.
 Гадают: урлозавр, иль нашезавр
 (в том смысле, что не мавр, а наш, родимый),
 в сопровожденьи «Мурки» и литавр
 когда нас закопает, чтобы, «Примой»
 сопя, водить в кунсткамеру заврят:
 «Урла, к ноге и плюнь скорее в это
 уродливое ЧМО. Как говорят,
 оно нас не любило: ни сонета
 Петрарки, ни сапфической строфы
 не посвятило нам. Не помогали:
 сошло на нет само, увы-увы»:
вот-вот, сегодня-завтра, трали-вали.

Вспомнил

Я поужинал кофе в капсуле:
не косею, и сон нейдёт.
Я запил эту подлость шнапсами, –
получилось наоборот:
окосел и упал изношенно.
Как «чернилами» не запить
подлость (подлостью б было)! Крошено
кофе в пасть из облатки, ить
кокон кофия вскрыт был ножиком
(перочинным, не финкой, не;
гуси, бросьте бабачить: в прожитом
я точил ваши перья; мне
не нужны ваши перья более –
я ем кофе, что вынес из
магазина украдкой волею
отемненья ума, – я скис
заодно, но не вместе с родиной):
я набил кофе в старый рот –
и залил его черносотенной
водкой, думая, что сотрёт
окончательно меня прошлого,
а она уронила под
ноги в бывшего быта крошево;
получилось наоборот:
устыдился, что в лобной пазухе
вынес в капсулах кофе, и
было хуже всегдашней засухи, –
сам с собою вперегонки

Исупов

в магазин отошёл с повинною,
удалился, чтоб сдаться. Но
вспомнил (вспомнил!) посуду винную,
вспомнил (вспомнил!), что в ней вино
было, булькало ещё некогда.
Как «чернилами» не запить!
Это красное – лучше некуда,
этот мокрый паёк есть **выть**.
(...)

Были подлостью – стали милыми
эти капсулы ввечеру,
если их запивать «чернилами».
Наконец-то я отомру.

дурак, дурак, какой же ты дурак!...»*

Сегодня уезжает. Без меня.
 Я мог бы в чемодане, но не лезу:
 боюсь я в нём, а также: колготня
 снаружи устроит, и энурезу
 тогда не просто быть – преуспевать.
 А также: понедельник в багажном
 да убоятся и да унывать
 как примутся, – и как мы им докажем,
 что я внутри не зверь, а лишь ворчу?
 А также: это цоканье по шпалам –
 с ума сведёт: и как я к **Кивачу**
 припадочным, в настрое небывалом
 помчусь, чтобы с алмазною горой
 вниз ссыпаться! А также: это брáшно –
 яйцо вкрутую с солью и водой
 титановой, пылающей – так страшно,
 что лучше сразу с язвой кротко слечь:
 не стол – а корм скоту... Ну нет: скотина
 уж лучше на цепи семь дней без *греч.*
Τζατζίκι перебьётся, да, Марррина?
 Перекушу запиской о цепи
 («Цепь только на бумаге, собачара»)
 и выпью весь крюшон. А ты груби
 потом мне от любви: «Я соскучала,

Исупов

Добрейшей души

На каждую (что тут, что в околотке,
что там, вплоть до окраин нашей суши),
в которой зародилась (не от стужи
ангина, но от милого на фотке:

.
на снимке милый чалится в окопе
среди других, но этот всех милее) —
жизнь человека (лучше бы старлея,
чем рядового: см. его в Европе

.
в траншее подыхающим от грязи, —
осколки с неба не чисты и остры),
заведена бумажка (где фолькссёстры
из службы стука так разнообразят

.
брюхатой жизнь, что мама дорогая)
«ДЛЯ ИРОДА ТЕЛЕГА», из которой
тот узнаёт заветное (конторой
добытое в поту, не избегая

.
семи потов): «Её зовут Марией.
УЗИ преподнесло, что будет малый.
Из “Узи” полоснуть, — и аномалий
не будет вовсе. Иль педиатрией

.
потом прикончить деточку... За вами
решение, добрейшей души Ирод.

С почтением, и пр., и др., и вырыт
заранее окоп (коль не словами,

но тишиной ответите: «Из “Ўзи”»;
“окоп”, напоминаем, суть могила)».

И Ирод ухмыляется: «Нехило».

И Ирод огорчается: «Заузив

бумажку только Машками, имеем
одних Марий на сносе семь Тольятти;
одних дивизий — полк, а мы им: нате,
в окоп — упали. Даже иудеям

не снилась гекатомба в три Тагила.

Да пусть рожают. Только б не прошляпить.

Ну а прошляпим, ибо щи и лапоть, —
горбатого не крест найдёт — могила».

Исупов

Мария и мы

Она кричала на своём, а не на нашем.
 Мальчонка долго возникал — как жизнь на каждом

·
 проклятом полустанке, на котором
 мы заводились конченным, но хором,
 куда Она высаживалась, чтобы
 избавить нас от нас и со стыдобы
 за нас родить нам мальчика, который,
 не научившись злу у нас, нам скорой

·
 однажды станет, нас излечит, только прежде
 мы предадим его за тридцать — хоть зарежьте —

·
 серебряных рубль-бережёт — и следом
 (злодействовать положено дуплетом)
 на радостях к кресту его тридцаткой
 прибьём себе на радость. Гладким, сладким,
 неисправимым будет наше гадство.
 Жизнь-есть-любовь под наше горлохватство

·
 в неисчислимый раз (*вульг.*) ляжет: этой гримзе
 не привыкать. Рожай же ты! — повеселимся.

Новый год (только вот)

Всем приговорённым – то есть всем нашим (но не *нашим*) вольнодумам, – щасте будет в этом годе, с тем чтобы в книгочейном и сутулом теле заблестела на лице под тремя диоптриями слёзка малыша, пронзительная, с «ц»:

.
¹цыбик чая (и течёт желёзка)
 дали заварить, испить с куском,
 с кубиком игральным, рафинада;
 и ²цигаркой (сразу в горле ком)
 дали надышаться до упада;
 и ³цимбалы звонче дураков,
 верящих в притворство, как девица
 (ухажёром брошена – и в рёв),
 задохнулись, чтобы просветлиться –
 и взреветь: «А жизнь-то ничего».

.
 Что за новый год? к чему всё это? –
 Новый год – вот-вот, и оттого
 ёлка будет вам, под ней конфеты,
 женщины грудастые придут,
 сядут на колени, мулен-рүжем
 насладив до сглатываний. Гуд?
 На столе отхватят – не в досужем
 полусне на шконке. Только вот:

Исупов

это будет ваш последний Новый;
это будут ёлка, хоровод,
конфетти, крюшон, сапог с подковой
на очках с диоптриями, — лишь
у того, у тех, кто скажет: «Мясо.
Мясо я. Я пушечный барыш.
Крышь я. Я никто. Хорош балясы
с холодцом точить. На фронт — хочу».

.
Вот разумник. Получи же ёлку.
Остальным окопы по плечу;
прочим Новый год без вшей — без толку.

НИИ тупых*

Ни Юры нет, ни Стрелки нет, ни Белки,
а эти – будто шныр в ружейном масле,
а этих – по колено: мы увязли,
мы по уши в них после их пристрелки

.
космической (почти; увы) ракеткой.
Клочками, намалёванными грязью
венозной невылазной, к пучеглазью
от «ой ли?» склонной, оттого не редкой,

.
лежим. Нас расфутболило. Клекочет
НИИ: «А если дышат?» Не, не дышим.
А нет бы рассиропить понависшим,
как был хорош, как свеж был, как оскольчат

.
пристрелочный удар. Не дышит локоть,
не дышит средний палец, причиндалы –
и те не дышат. Нечем. Испахала
пристрелка дом и двор. НИИ не цокать

.
не может: «Ах, умеем. По останкам,
ах, в сапогах похлопать бы, – вдруг живы?»
НИИ ТП печёнки из брюшины
двору и дому выпростало. Танкам

.
завидно. Впрочем, что такое Юра? –
Смоленский смертник, то есть камикадзе.
А что такое Белка? – Хоть обгадья,
собачка, не добитая каюром.

Исупов

Мало нам ведра

Молоко из бочки! Бочка скачет с полустанка «Плохо» к полустанку «*опа», следом к «Дну», а это значит, дальше будет полустанок Шванка. Всюду панихидно, а на «Шванке» скалятся сквозь выбитые зубы; впрочем, и на этом полустанке люди не титаны, валки. Любы средние века у нас повсюду и всегда, а смех на «Шванке» глупый, дважды глупый: после самосуда скучатся пред трупом всею труппой и разводят хиханьки над трупом, то есть над собой смеются. Впрочем, не о том я: мы, и дома с крупом подыхая (мы-то не гогочем), всё равно выходим манну-бочку ждать, стоять, бить в очереди морды, ибо лезут, а потом по почкам, ибо снова лезут, так упёрты. Наши. Восхищаюсь. Но – о бочке: прискакав однажды, наливала каждому ведро, и о заточке в сапоге не думалось, амбала не хотелось ткнуть, хотя, по делу, надо было – гада не стояло тут, он влез. Ведро! – и отхотела лапа (в ней заточка). Будто мало –

мало нам ведра, – его нам даром
до краёв налили, а в отплату –
то ли позабытые дояром,
то ли смотрим в небо быковато, –
мы выходим бочку ждать, покуда
живы. Ждём-пождём до полвторого
с полвторого снова 0,6 пуда.
Но у бога лишь одна корова.

Исупов

Дальше что? — Сегодня без конца,
без конца сегодня и сегодня.

.
Собрались, сегодня проицав,
в завтра быть? — Коричневая сотня
там уже: (и с вами) и сама
(вкралась) впёрлась, чванясь раем-адам.

.
Это — ваше завтра? Но с утра
не сегодня ль выпадает «градом»?

Содержание

Этой ночью	3
Соскучилось; волновалось	4
Человек молока	5
Похабный детский с.	7
Архангел	8
В декабре после трёх	9
Кристаллик (из Пушкина)	10
Зима, Фома	11
особенно.....	12
собаки.....	14
Они всё равно	15
La tristesse durera toujours	16
На заре после снегопада многие чернолицы	17
Слабó	19
Цвет февраля	21
Священная	23
С	25
Белая	26
Синяя	27
Красная	28
Каша	29
Натурщики: дворовый мальчик (из Пушкина)	30
Натурщики: девушка с веслом	31
Натурщики: Обзьяна	32
Натурщики: снега	34
Натурщики: зелёный	36
Натурщики: люди в одежде	37
Натурщики: раздетые люди	38
Давай со мной из этой широты.	39
Дуэль	40
Там, за углом	42

Зачем-то хочу знать	43
Комната	44
Закладка	45
Сигналы неточного времени	46
Ровно семь минут	48
Хирург пирогов	49
Голова	51
но другая.	53
Нос	54
Осип-34	55
Круги	56
Белоснежно	58
Достучаться до февральских небес (из Боба Дилана)	59
Адорно	60
Китс	62
Портрет	64
Сала купи	66
Ленка на девятый день	68
Человек в пальто	70
Дура суринама	72
Мыло	74
Луноходы (ему немило)	76
Всё, что тут есть	77
Один дома	78
К.626	79
в апреле.	81
Боль	82
№34	84
Выли-улыбались	86
Настроение	87
Совсем детское с.	89
Не менее детское с.	90
Довольно детское с.	91

Очень детское с.	93
Последнее (на сегодня) детское с.	94
Кодла	95
Метиз	96
Цырк	97
Отзыв	98
Сука	99
Ногти	100
Понт	101
Стишки	102
Морзе	103
Действующие лица	104
Морфемный разбор	105
Только он!	106
Приёмный покой	107
Младенчики	108
Зонт	110
Просто так	112
Расцветут непременно	113
Докуриться	114
Опечатка	115
Ну же, чувак	116
ОК?	117
14 октября	118
Любезная	120
Ликуют	122
Страх	123
Юг	125
Или так	127
Больной	128
Son ar chistr	130
Совсем не так, как поезда	131
Портвейн-портвейн	132

Стакан мух	134
Хрясть (из Вырыпаева)	136
Иногда плачет	138
2-е Петра 3:10	139
Их души	141
По окорочка	142
Бледный конь	143
Дона Анна	145
Опять уплыл	147
Что-то квантовое	149
Ривка, Мрія	151
Возникают	152
Быть со своим скотом	153
Ку (позади Москва)	154
И и А (Дементьев)	155
Стул он	157
Ах, Франсуаза	158
Бомба и дети	160
Каждый второй и каждый первый	162
Бяша	164
Крылья не мешают	165
Потерялась и	167
Просто умеет	168
Же за царя	169
Харю мяли	171
Вспомнил	172
дурак, дурак, какой же ты дурак!..»	174
Добрейшей души	175
Мария и мы	177
Новый год (только вот)	178
НИИ <i>тупых</i>	180
Мало нам ведра	181
*** (Дальше что? – Сегодня без конца..)	183

Алфавитный указатель

*** (Дальше что? – Сегодня без конца...)	183
14 октября	118
2-е Петра 3:10	139
La tristesse durera toujours	16
№34	84
Son ar chistr	130
Адорно	60
Архангел	8
Ах, Франсуаза	158
Белая	26
Белоснежно	58
Бледный конь	143
Боль	82
Больной	128
Бомба и дети	160
Быть со своим скотом	153
Бяша	164
в апреле	81
В декабре после трёх	9
Возникают	152
Всё, что тут есть	77
Вспомнил	172
Выли-улыбались	86
Голова	51
Давай со мной из этой широты.	39
Действующие лица	104
Добрейшей души	175
Довольно детское с.	91
Докуриться	114
Дона Анна	145
Достучаться до февральских небес (из Боба Дилана)	59

Дура суринама	72
дурак, дурак, какой же ты дурак!..»	174
Дуэль	40
Же за царя	169
Закладка	45
Зачем-то хочу знать	43
Зима, Фома	11
Зонт	110
И и А (Дементьев)	155
Или так	127
Иногда плачет	138
Их души	141
К.626	79
Каждый второй и каждый первый	162
Каша	29
Китс	62
Кодла	95
Комната	44
Красная	28
Кристаллик (из Пушкина)	10
Круги	56
Крылья не мешают	165
Ку (позади Москва)	154
Ленка на девятый день	68
Ликуют	122
Луноходы (ему немило)	76
Любезная	120
Мало нам ведра	181
Мария и мы	177
Метиз	96
Младенчики	108
Морзе	103
Морфемный разбор	105

Мыло	74
На заре после снегопада многие чернолицы	17
Настроение	87
Натурщики: дворовый мальчик (из Пушкина)	30
Натурщики: девушка с веслом	31
Натурщики: зелёный	36
Натурщики: люди в одежде	37
Натурщики: Обезьяна	32
Натурщики: раздетые люди	38
Натурщики: снега	34
Не менее детское с.	90
НИИ <i>музык</i>	180
но другая.	53
Новый год (только вот)	178
Ногти	100
Нос	54
Ну же, чувак	116
Один дома	78
ОК?	117
Они всё равно	15
Опечатка	115
Опять уплыл	147
Осип-34	55
особенно.	12
Отзыв	98
Очень детское с.	93
По окорочка	142
Понт	101
Портвейн-портвейн	132
Портрет	64
Последнее (на сегодня) детское с.	94
Потерялась и	167
Похабный детский с.	7

Приёмный покой	107
Просто так	112
Просто умеет	168
Расцветут непременно	113
Ривка, Мрія	151
Ровно семь минут	48
С	25
Сала купи	66
Священная	23
Сигналы неточного времени	46
Синяя	27
Слабó	19
собаки.	14
Совсем детское с.	89
Совсем не так, как поезда	131
Соскучилось; волновалось	4
Стакан мух.....	134
Стишки	102
Страх.....	123
Стул он	157
Сука	99
Там, за углом	42
Только он!	106
Харю мяли	171
Хирург пирогов	49
Хрясть (из Вырыпаева)	136
Цвет февраля	21
Цырк	97
Человек в пальто	70
Человек молока	5
Что-то квантовое	149
Этой ночью	3
Юг.....	125

Исупов. НИИ тупых. 2025

Некоммерческое электронное издание

Послушать все, гм, некоторые стихотворения можно [здесь](#) или тут (но по отдельности):

Голова
Отзыв
14 октября
Любезная
Son ar chistr
Портвейн-портвейн
Стакан мух
Хрясть (из Вырыпаева)
2-е Петра 3:10
Их души
Бледный конь
Быть со своим скотом
Ку (позади Москва)
И и А (Дементьев)
Бомба и дети
Каждый второй и каждый первый
Бяша
Харю мяли
дурак, дурак, какой же ты дурак!...»
НИИ тупых
*** (Дальше что? – Сегодня без конца...)

Издательство «Тридцатое февраля»
february30.ph@gmail.com
igor.isupov@gmail.com

Опубликовано 01.01.2025
Размер эл. страницы: 5,12x7,87 дюйма
Формат издания: .pdf

Усунув

СКОЛЬКО
ПАЛЬЦЕВ,
ОРУЭЛЛ?

ст. Ока
*М*ридцатое февраля
2024

Дальше что? – Сегодня без конца,
без конца сегодня и сегодня.

2025
Исцелю